

КАК БОРОТЬСЯ С БЕДНОСТЬЮ?

Н.Л.Хананашвили, Фонд “НАН”, Москва

*Если ты такой умный,
то почему такой бедный?*

**Любимый вопрос представителя
цивилизации одномерного разума.**

Всё-таки любим мы, россияне, поиздеваться сами над собой, пока нас никто не видит и не слышит. Уж сколько существует русских пословиц и поговорок, демонстрирующих удивительный, острый и ёрнический, беззлобный и саркастический, добродушный и ядовито уничтожающий народный юмор. “В России две беды – дураки и дороги”; “пока гром не грянет, мужик не перекрестится”; “закон – что дышло, куда повернул, туда и вышло” – и многие, многие другие.

Однако, когда кто-то из-за рубежа пытается применить свои пословицы к России, большего недовольства, чем от нас, услышать трудно. Наверное, это типично. Критика внутренняя она, поскольку своя, то и не очень беспокоит, а вот внешнюю и нация, и отдельный человек воспринимают очень болезненно. Хотя, впрочем, и поговорки с пословицами могут быть справедливыми и не очень, позитивными и деструктивными, мудрыми и плоскими.

Так и с американской присказкой, которая выведена в качестве эпиграфа к настоящей работе. Справедливость её не просто относительна, а для конкретной личности – предельно спорна, поскольку, перефразируя прелестного советско-российского писателя Григория Горина, можно с уверенностью сказать, что **богатство само по себе – это вовсе не большой признак ума, чем умное лицо**. И, как ни странно, уже в этом кратком вступлении можно сделать один вывод: **вопрос из эпиграфа правомерно задавать человеку только в том случае, если в обществе, в котором он живёт, его ум может быть по достоинству оценен...**

К сожалению, Россия до сих пор остаётся страной, в которой ум не просто не востребован, но и, можно сказать, до сих пор находится не в чести. Вам наверняка не раз приходилось слышать расхожую транспортно-бытовую фразочку: “Ишь, умник выискался! А ещё очки (шляпу, костюм и т.п.) надел!”.

Тем не менее, если некто хотел бы стать богатым и имеет для этого целый набор предпосылок и условий, но остаётся бедняком, то в отношении этого “некто” напрашивается сам собой весьма неутешительный вывод...

Вот и мы, наконец-то, сподобились и дошли до вопроса о необходимости преодоления бедности. В целях ООН в области развития на пороге тысячелетия, утверждённых в виде Декларации на одной из сессий ГА ООН

в 2000 году, в числе ключевых значится задача ликвидации крайней нищеты и голода. Учитывая, что в России примерно четверть населения имеет семейный доход ниже официальной черты бедности, нам вполне можно адресовать сию достойную задачу.

И Президент РФ, вскользь отметив эту задачу в прошлом, 2003 года, Послании к Федеральному Собранию Российской Федерации, похоже, в новом Послании сделает на данном вопросе заметно более серьёзный акцент. Судить об этом можно и по его собственным заявлениям, и по темпам реформирования системы управления, заданным в первые месяцы 2004 года, и по теме удвоения валового внутреннего продукта (ВВП), всё чаще звучащей, делая, правда, в этом случае, некую оговорку, поскольку вовсе не факт, что рост ВВП будет реально направлен на снижение в России бедности.

I. АЙСБЕРГИ РОССИЙСКОЙ БЕДНОСТИ

*А ты такой холодный, как айсберг в океане,
И все твои печали под тёмною водой.*

Формула проблемы в народном творчестве

Начальство наше российское тема наличия бедности в России, богатейшей по своим ресурсам страны, смущала всегда, – формально, правда. Рецептов избавления от неё в любое время предлагается масса: от лукавой и глубоко порочной по своей сути природной ренты до столь же популистских призывов к механическому поднятию зарплаты.

Серьёзного системного анализа причин бедности однако до сих пор никто в России не проводил. Не будем и мы перегружать данный материал бесчисленными столбцами цифр и статистических выкладок, поскольку задача эта не под силу в данной работе, для одного человека и могла бы быть достойной усилий большого и специально для этой цели собранного коллектива. Пока же, собственно, и выкладывать-то особенно нечего, поскольку тот инструментарий, которым государственные (и негосударственные) социологические структуры оперируют при осуществлении соответствующих исследований, если и не допотопный, то современным его назвать тоже пока что сложно. Марксистско-ленинская идеологическая рамка, ограничивая внимание к гражданам лозунгом “*всё – во имя человека, всё – на благо человека*”, не позволяла долгие десятилетия заниматься таким публичным и чрезвычайно важным для будущего общества делом как социологические исследования. В итоге и граждане считали себя уверенными в будущем, хотя и бедновато убогом, и предержавшие пребывали в ложной уверенности, что всё в порядке в стране Советов – вплоть до момента её развала.

Сегодня такая уверенность в завтрашнем дне испарилась, но социологическая чувствительность общества почти не повысилась. Поэтому, в принципе, государству (и живо интересующимся гражданам) вряд ли известно, каков реальный уровень бедности.

Пытаясь определить уровень сегодняшней бедности, мы опираемся на некие старые методики, которые не учитывают множество быстро меняющихся потребностей наших граждан. Всё дело в том, что они просто много лет не пересматривались. Достаточно вспомнить ФЗ “О государственной социальной помощи”¹, в котором вообще нет *услуги, как формы социальной помощи*, в результате чего из экономического оборота, по существу, до сих пор исключены неправительственные организации, оказывающие, прежде всего, именно социальные услуги; они просто не воспринимаются властью в качестве экономически активного субъекта – элемента системы оказания услуг населению. А для пенсионеров в том же законе отсутствует такая статья расходов, как транспорт. Будто им уже и не нужно никуда ездить.

Бедность – вообще можно воспринимать достаточно лукаво, что часто и происходит, если взглянуть на проблему через призму статистических сведений.

При нынешнем состоянии социологии и нормативной и параметрической баз социальной статистики, используя привычный и поверхностный, формальный подход, достаточно легко за причины бедности принять её симптомы, и всю работу по преодолению бедности свести к социальному ретушированию; скажем, как это принято в войсках при нерадивых подчинённых и их подобострастных начальниках – к покраске травы перед приездом высшего руководства.

Возьмём к примеру ФЗ “О потребительской корзине в целом по Российской Федерации”², который в 2004 году прекратил своё действие. Принятый в 1999 году, он неоднократно продлевался Госдумой без изменений и должен был быть пересмотрен в течение 2003 года³. Однако, вследствие предвыборной увлечённости всех политических сил, до реальных проблем граждан не добрались ни исполнительные структуры (Правительство РФ должно было за первые полгода 2003 года подготовить изменения к данному закону), ни законодатели. В результате мы с вами, читатель, живём по потребительской корзине, объём которой установлен в конце 1999 года – на период до конца 2000 года. Согласитесь, за это время потребление существенно изменилось и корзина должна была, скорее всего, заметно потяжелеть и подорожать, хотя бы, с учётом инфляции, т.е. никак не меньше, чем на 50 процентов, а также несколько измениться по своей структуре. Одновременно с этим можно заметить, что рост объёма потребительской корзины только на 10% приведёт к “статистическому” росту уровня бедности на 5 процентных пунктов.

Вновь, как и пять лет назад, раздаются голоса о необходимости резкого повышения оплаты труда, что, как считается, изменит отношение граждан к труду и сделает этот труд более производительным. Таким образом,

---

¹ Собрание законодательства Российской Федерации, 1999, №29, ст.3697.

² Собрание законодательства Российской Федерации, 1999, №47, ст.5619.

³ Последний закон о продлении – с условием пересмотра в конце года был подписан Президентом РФ 31 декабря 2002 года (см. Собрание законодательства Российской Федерации, 2003, №1, с.9).

осуществляется попытка решить проблему бедности механически. О подобных способах автор уже говорил ранее, сравнивая их с попыткой барона Мюнхгаузена вытащить самого себя из болота за волосы⁴; похоже, необходимо повторение. Простое увеличение зарплаты приведёт к новому витку инфляции. Но таким способом повысить эффективность работы невозможно, поскольку недостаточно грамотные работники будут просто более рьяно бегать, столь же при этом бестолково, как и раньше, если не сформировать современную и эффективную систему кадрового отбора и широкомасштабной подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров.

Ровно столь же осмысленно звучит и тема сокращения количества высших управленческих кадров в Правительстве РФ. Оттого, что вместо 5 (или 15) заместителей у того или иного министра останется 2, эффективность его (и их) работы почти не зависит, если только этот министр (а равно и все его заместители) образовательно, технологически и, самое главное, ментально не готов к такой работе в принципиально новых условиях. А откуда у него, кроме “административно-моральной”, эта готовность? Эффективность же российского менеджмента очень заметно повлияет на формирование возможности успешной борьбы с бедностью.

И всё же, поскольку тема борьбы с бедностью сегодня звучит как никогда решительно и на самом высоком уровне, попробуем проанализировать ситуацию нынешнюю и пути движения к более приемлемой картине. На мой взгляд, задавать сегодня некоторые желаемые цифровые показатели бедности пока что преждевременно, так как уровень этой самой бедности со временем может заметно сдвигаться – подобно тому, как это происходило в новейшей истории России неоднократно. Впрочем, называемые сегодня параметры (снижение бедности с 20-25% до уровня в 10-12%), наверное, можно считать грубым ориентиром, хотя я и уверен, что количество бедных в России заметно больше и составляет никак не менее 30-35% населения. Однако спор этот до поры, когда в России будет создана адекватная потребностям социальная статистика, следует признать пустовато формальным, схоластическим.

II. БОРОТЬСЯ или ПРЕОДОЛЕВАТЬ?

Можно стараться накормить как можно больше людей, но лучше делать так, чтобы они не нуждались в вашей помощи.

---

⁴ В своё время при Правительстве Е.Примакова видные российские экономисты уже предлагали осуществление регулярной индексации заработной платы при том, что “одним из основных источников неинфляционного покрытия затрат в этом случае могут стать дополнительные доходы бюджетов всех уровней, возникающие вследствие роста цен”. Цитата приведена из газеты “Коммерсантъ” от 15.09.1998г., №170, с.8. Анализ тех предложений был осуществлён автором в книге: Н.Хананашвили, В.Якимец. Смутные времена социальной политики в России. – М.: Фонд “НАН”, 1999. – с.с.143-146.

Возможный стратегический лозунг

Для начала анализа попробуем определённым образом структурировать наши вопросы и попытаться понять две вещи:

1) что такое бедность?

Примем в качестве отправной позиции следующее, может быть и не самое строгое, но достаточно очевидное определение.

Бедность – это невозможность удовлетворения человеком каких-то, определённым образом установленных, минимальных потребностей.

Здесь мы вынуждены сделать, во-первых, некоторое дополнительное раскрытие понятия **невозможность**.

Человек не может чего-либо сделать по следующим причинам:

- а) не хочет;
- б) не умеет;
- в) не имеется (не создано) условий.

Причины (а) и (б) можно назвать причинами внутреннего свойства, определяемыми, в первом приближении, собственными проблемами человека. Причина (в) – очевидно, внешняя, следующая из свойств внешней среды.

Второе понятие, нуждающееся в дополнительном пояснении – **минимальные потребности**. Опять же, с сожалением приходится констатировать, что в РФ до сих пор нет нормативно закреплённых минимальных социальных стандартов, беря которые за ориентир, мы могли бы хотя бы с некоторой долей уверенности судить и об уровне бедности, и о ней самой.

Следующим вопросом, на который следует найти ответ, является вопрос –

- 2) что именно мы будем делать:
  - а) бороться с бедностью,
  - б) преодолевать её как массовое социальное явление или
  - в) искоренять бедность?

Могу сказать, что если задача (б) достойна будущих усилий, то задачи (а) и (в) бессмысленны.

Бороться с бедностью – в самой семантике данной фразы нет какой-либо результативности. Вспоминая фразу из некогда популярной песни группы “Наутилус Помпилиус” (“*здесь мерилom работы считают усталость*”), могу сказать, что результатом этой борьбы станет отчёт о сумме затраченных усилий, устаревшая шкала сравниваемых показателей (как, скажем, в советскую эпоху приводилось сравнение с любимым теперь, наверное, уже всеми 1913-м годом) и не более. Так что, олимпийский принцип здесь, к сожалению, не подходит. Кроме того, с помощью лозунга “борьбы” очень легко сбиться на профанацию всего начинания. Сегодня это тем более просто, в силу полной монополизации власти в руках достаточно небольшой группы людей. Такая монополия неизбежно приводит к “одно-

мерному зрению”. Хорошо известно, что в спорах рождается истина. Отсутствие политической и, что ещё опаснее – общественной, дискуссии, как это ни парадоксально, лишает находящихся во власти и желающих эффективно решать задачи возможности это сделать. Фильтр комитетов, находящихся в полномочии фракции “Единая Россия”, для прохождения законопроектов в Государственной Думе делает, как и было предположено автором настоящей статьи несколько ранее⁵, присутствие других депутатов в стенах высшего законодательного органа практически бессмысленным. Причём интересно, что возможно, хотя и менее вероятно, появление интересных идей (ну не совсем же бездарны нынешние монополисты во власти!), однако, скорее всего, эти идеи будут проваливаться в реализации, поскольку не пройдут своевременную и пристрастную стадию закалки в столкновении с другими идеями и их носителями.

Игры с цифровыми показателями бедности также достаточно бессмысленны. К статистическим данным можно будет уверенно обращаться лишь тогда, когда уровень теневого оборота рынка станет если и не минимальным, то хотя бы точно рассчитанным.

Известно и то, что искоренить бедность также не представляется возможным, поскольку несколько более близкое знакомство с социологией позволяет сделать несложный вывод о том, что от 3 до 5% населения практически любой страны самостоятельно для себя, нарочно или неосознанно, выбирают бедность в качестве своей *жизненной стратегии*. Причём, чем более патерналистская политика проводится государством, тем большая доля населения готова поддержать в самих себе глубоко укоренённые иждивенческие настроения.

Итак, если читатель не против, рассмотрим внимательнее тему ***преодоления бедности***.

Давайте попробуем взглянуть несколько глубже в причины данного понятия. И для начала разделим эти причины, как было показано ранее, на *внутренние* и *внешние*.

К *внутренним* причинам, отражающим формулы “не хочу” и “не умею”, относятся:

1) различные свойства личности, такие как:

а) *уровень иждивенчества*. С генетической составляющей предлагаю не бороться, хотя очевидно, что длительность гиперопёки со стороны государства сделало данное свойство чуть ли не врождённым у многих россиян. Свойство это кристаллизуется во фразе “...государство обязано...”. Надо сказать, что это – очень удобное выражение. Произнося такое словосочетание, гражданин мгновенно снимает с себя какую-либо ответственность за происходящее вокруг. И дальше – с одной стороны, пытается выставить себя жертвой внешних обстоятельств (с очередной присказкой: “на всё –

⁵ См. статью: Н.Л.Хананашвили “Бессилие всевластия или об опасностях безальтернативного выбора” - <http://www.nan.ru/soc8.html>.

воля божья” или “начальству виднее”), а с другой, поскольку дистанцируется от активного участия, – как бы подводит “теоретическую базу” под возможность оставаться недовольным государством.

В свою очередь государство, продолжая проявлять патернализм по отношению к своим гражданам (а по сути – навязывая его им), само же и провоцирует их на консервацию иждивенчества. Сегодняшние призывы от власти к гражданам о необходимости проявления ответственности выглядят в лучшем случае странными. И будут выглядеть странными **до тех пор, пока для проявления *гражданской ответственности* наши граждане не будут наделены реально действующими, а не фиктивно декларируемыми гражданскими правами.**

б) *лень и жадность.*

Так получается среди людей, что основными движущими свойствами характера человека (помимо внешних жизненных обстоятельств) являются его *лень* и *жадность*. Выводя из негативных свойств некоторый позитив, эти свойства можно назвать иначе: *трудолюбие* и *амбициозность*. Сочетание этих двух свойств и формирует в итоге персональный личностный портрет*. Кстати, в существенной своей части способность или неспособность *преодоления лени* определяет и готовность что-либо менять в иждивенческо-патерналистских взаимоотношениях системы: гражданин – власть.

Объединяя перечисленные свойства, можно назвать это **безынициативностью**. К сожалению, именно это свойство является сегодня ключевым в бедности, и ***преодоление бедности лежит через преодоление данного качества***, содержащегося в умах значительной части наших граждан.

2) наличие определённых и требуемых для успешности и самореализации личности знаний, навыков и умений (технологий).

Стремление к знаниям (точнее, отсутствие такого стремления) в какой-то мере относится к лени (так называемая “леность ума”).

Достаточно тривиальная мысль: “ученье – свет, неученье – тьма”, конечно же, имеет внутреннюю составляющую, характеризующую сохранение и развитие самим человеком определённого, и, желательно, возможно более высокого уровня стремления к познанию нового.

И здесь мы тоже можем констатировать, что сегодня выпускник института (а зачастую и школы) покидает стены учебного заведения, в котором он провёл немалую часть своей только начинающейся жизни, не просто с облегчением, но и со стойкой ненавистью к самому процессу дальнейшего познания и духовно-интеллектуального самосовершенствования.

Однако знания могут быть и не доступны. И здесь мы переходим в сферу *внешних* причин.

Внешние причины определяются как
- культурно-цивилизационными основами,
так и

---

* С одним небольшим, но неизбежно требуемым дополнением, о котором очень настойчиво говорит Джон Фаулз – “способность отличать *добро* от *зла* и нескончаемое стремление именно к этому” (см. Дж.Фаулз, “Аристок”).

- свойствами проводимой в государстве политики.

Первая составляющая не будет предметом нашего интереса в настоящей статье, однако желающие могут познакомиться с интереснейшим сборником статей, выпущенным по итогам тематической конференции, состоявшейся в США в 1999 году, и вобравшим в себя множество разнообразных взглядов на то, каким образом и в какой мере культура влияет на экономическое развитие в различных странах мира⁶. В определенном смысле проводимая в России политика оказывается под влиянием данного фактора, тем более, что во многом он влияет на исторически глубоко заложенное межкультурное противостояние, о котором столь настойчиво говорит Сэмьюел Хантингтон⁷, и формирует его и которое нам также ещё предстоит преодолеть.

Однако мы остановимся только на тех аспектах политики, которые могут и должны подвергнуться изменениям вне непосредственного контекста культурно-цивилизационных отношений. Исключением можно назвать разве что одно свойство, первое из перечня рассматриваемых – **репрессивный стандарт мышления и действия**. Данное негативное свойство, к сожалению, присуще не только российской исторической ментальности и практике, но и большинству действий человеческого сообщества. В подавляющем большинстве случаев несиловые методы начинают применяться лишь тогда, когда у той или иной стороны (либо у обеих сторон) сил недостаточно. Причина такого подхода объясняется коварством силовых решений. Однако именно через осмысление поговорки **“сила есть – ума не надо”** становится очевидной дефектность таких решений. Плачевно, когда общество лишь при неспособности физически (или политически) одолеть противника (оппонента) начинает задумываться о возможности применения разума.

Поэтому, с одной стороны, названное мною свойство с полным правом можно назвать культурно-историческим обыкновением в России, а с другой, неотъемлемым свойством осуществляемой политики. А раз так, то и возможные методы изменения сложившегося положения в настоящей статье будут предложены.

III. ОСНОВНЫЕ СВОЙСТВА НЫНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

*“Тут выход один, Григорий:
нас должно меньше быть...”*

М.Жванецкий

⁶ Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу./ Сборник статей./ Под ред. Л.Харрисона и С.Хантингтона. (L.Harrison, S.Huntington (eds.) Culture Matters: How Values Shape Human Progress. – New York: Basic Books, 2000.) – М.: Московская школа политических исследований, 2002. – с.

⁷ См.: С.П.Хантингтон. “Столкновение цивилизаций”./ Пер. с англ. Т.Велимеева, Ю.Новикова. – М.: ООО “Издательство АСТ”, 2003. – 603 с.

Из многих областей человеческой активности хорошо известна трёхзвенка: *что имеем?* (точка старта), *что хотим иметь?* (видимая точка финиша), *как достичь желаемого?* (маршрут движения от старта до финиша). Автор статьи, начиная данный её раздел, находился в некоторой неуверенности относительно того, как построить изложение материала. Дилемма заключалась в том, рассматривать ли каждое из ниже перечисленных свойств через названную **управленческую троицу** или, наоборот, рассмотреть все свойства, по отдельности пропуская их через каждый её элемент? В конце концов, автор выбрал второй вариант. Читателю самому предстоит судить, правилен ли оказался выбор построения изложения...

Собственно, даже несмотря на отсутствие огромного множества требуемой информации, о том, где мы сейчас пребываем, мы более-менее знаем и здесь говорить и не стоило бы, но для сохранения всех обязательных звеньев единой цепи рассуждений – сделаем.

Причём анализ этот мы проведём, наверное, несколько нетрадиционным способом – путём определения **основных свойств**, характеризующих нынешнюю политику. Именно они обуславливают определённое состояние общества и диктуют направления требуемого перспективного движения. Следовательно, для приобретения позитивного направления реформирования нахождение таких свойств и работа непосредственно над ними представляется **ключевой задачей**.

Свойства, о которых пойдёт речь, достаточно тесно сопряжены друг с другом, поэтому время от времени они (непослушные) будут “заползать” на чужую территорию, т.е. встречаться не только там, где расположен текст, посвящённый им, но и в соседних пунктах.

Перечисленные ниже свойства рождают и соответствующие им следствия, о которых также будет сказано в каждом отдельном случае.

Итак, первым, ранее уже названным, свойством является

1) Репрессивный стандарт мышления и действия.

Хотел сначала обойти эту тему вовсе, поскольку об этом сказано чуть-чуть перед началом раздела. Однако – не удаётся: жизнь настолько богата примерами, что их можно брать чуть ли не в любой ежедневной газете либо другом средстве массовой информации. Практически в каждой проблеме мы, согласно российской традиции, склонны искать внешнюю причину – всё вплоть до мирового заговора против России. Пользуясь такой параноидальной логикой, г-н В.Жириновский, например, готов в развале СССР обвинять всех вплоть до наших юмористов*. И многих, даже специалистов, крайне беспокоит приближение НАТО к границам России, хотя хорошо известно, что сегодня вопросы государственной безопасности вовсе не определяются географическими расстояниями, а также то, что большего врага у

---

* Данное, мягко говоря, экзотическое обвинение прозвучало из уст г-на Жириновского во время передачи “К барьеру” от 01.04.2004г. в адрес Г.Хазанова. Можно, конечно, воспринимать это как первоапрельскую шутку, однако, анализируя весь массив произносимого данным политиком, можно с уверенностью судить о серьёзности сказанных слов.

России, чем она сама, придумать сложно. Ведь даже начало Великой отечественной войны стало возможным из-за бездарной, подловатой и провоцирующей гитлеровскую Германию политики Кремля в конце 30-х годов прошлого столетия. Такой вот у нас, национально-политический инфантилизм...

Приведу один яркий пример.

Некоторое время назад в Ханты-Мансийском округе состоялся суд над работником военкомата, подполковником, который заставил восьмиклассника, то есть 14-летнего ребёнка, **на военных сборах бежать вечером, после ужина, 10-километровый кросс в противогазе**, в результате чего парень задохнулся и умер. Сама по себе только что написанная и выделенная здесь фраза, отражающая суть им совершённого, заставляет задуматься о том, не является ли этот гражданин плохо скрывающимся садистом. Впрочем, он и не скрывается. На суде тот самый подполковник не только не стыдился своих наклонностей, но даже сказал, что делал это “в соответствии с нормативно-правовыми актами”. Налицо – издевательство над ребёнком (таковым, кстати, по российскому законодательству и по Конвенции о правах ребёнка признается лицо, не достигшее 18-летнего возраста). Ссылаясь на “нормативно-правовые акты”, этот предельно безнравственный человек утверждает, что и дальше будет действовать так же и даже собирается подать в суд на несчастных родителей за возмещением “ущерба его репутации”.

В данном случае есть смысл отметить два момента.

Первый – состояние судебной системы, в которой суд, его оправдавший, – либо профессионально безграмотен, поскольку налицо множество нарушений, прежде всего, Конвенции о правах ребёнка (а она Россией должна выполняться, что называется, в первоочередном порядке, на основании части 4 статьи 15 Конституции РФ, поскольку ратифицирована Россией*), либо запредельно зависим от местных властных структур.

“Представитель власти”, то есть милиционер, может запросто ударить женщину с ребёнком на руках на глазах у всей страны (кадры телевизионного репортажа с Дальнего Востока помнят очень многие) или унижить гражданина, посадив его без суда и следствия в клетку камеры отделения милиции и не зарегистрировав этот факт, – и за это ему ничего не будет. Исключение может составить ситуация, когда попавший в руки милиции гражданин имеет какие-то серьёзные связи – прежде всего, в той же “системе”.

---

* Часть 4 статьи 15 Конституции РФ гласит: “Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью её правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора”. Так что непонятно, какими же правовыми нормами руководствовался подполковник Завадский...

Второй момент как раз и касается властных структур, причём различного профиля и уровня. Однако для этого придётся назвать следующее свойство системы. Это – **слабая рефлексивность системы** к внешним раздражителям. Более детально это свойство будет проанализировано чуть позже, здесь же мы обратим внимание на эффект, который возникает вследствие такого проявления отношения власти к гражданину.

В качестве неизменного ответа на репрессии сильной стороны был и остаётся либо тихий саботаж слабой стороны (“кукиш в кармане”), либо, в случае предельного обострения конфликта, – **террор**^{*}. Любой монополист, злоупотребляющий своей силой, должен знать о том, что **естественным и почти неизбежным ответом на агрессию сильного становится террор слабого**, быть готовым к этому и прекратить рассуждения о *внешней угрозе*, поскольку такая угроза таится в самом монополисте.

Таким образом, следствием репрессивного стандарта мышления и действий оказывается и рост встречного ожесточения и сопротивления, а также, несомненно, потеря той самой репутации, только не персональной, а институциональной, восстановить которую власти и заметно дольше, и значительно сложнее.

И, уж совершенно точно, репрессивный подход затрудняет и подавляет какую бы то ни было позитивную инициативу.

Опустошающей праздностью, царящей на TV-экранах, и отстранённым от общества криминально-скандальным информационным фоном государство, вольно или невольно, достигает следующих негативных последствий для населения: чувства опустошённости и отупления, собственной ненужности и незначимости, эмоциональной подавленности, безгливости к информации и даже страха перед нею. Автору известны случаи, когда его знакомые выбрасывали из дома телевизор, видя в нём источник разрушения внутреннего и семейного мира и, прежде всего, мира своих детей. Всё это – также первопричинные составляющие, генерирующие и подспудно, а иногда и откровенно, культивирующие в обществе и у граждан цинизм и репрессивный стандарт мышления и действия.

В заключение пункта приведём несколько пар понятий, характеризующих дихотомичность, т.е. альтернативную двухвариантность возможного подхода к любому событию и описывающих репрессию, как привычный способ действия и... нечто другое (противопоставляемые понятия, о которых будет подробно сказано ниже, в следующем разделе статьи).

Итак, пары таковы:

монополия – партнёрство;

сила – консенсус;

власть большинства – учёт мнения меньшинства;

---

* При этом, если гражданин способен, в силу воспитания и, естественно, уровня репрессивности мышления, на насильственные действия, то он может дойти и до убийства обидчика, либо, если не способен – то до самоубийства или (более спокойный тип людей) просто претерпит внутренний “надлом”, внешне слабо проявляющийся, но лишаящий человека способности к активной жизненной позиции и, соответственно, к позитивной деятельности в обществе.

простота решения – взвешенность решения.

Несложно заметить, что указанные пары, хотя и не являются антонимами, но, в самом деле, на практике редко не противопоставляются друг другу.

Так и для *репрессивного мышления и действия*, пользуясь аналогичным подходом, можно предложить сразу два термина:

толерантность

и

поддержка гражданской инициативы.

2) Слабая рефлексивность (нечувствительность).

Система, а в данном случае под словом “система” мы понимаем совокупность институтов государственного управления, слабо чувствительна ко всему, что касается внешних, по отношению к ней самой, раздражителей. Я не имею ввиду всех её представителей, но её саму. Налицо безразличие системы к человеку, его проблемам, и это – такой же устойчивый системообразующий признак, как и репрессивный подход в любом возможном случае.

Кстати, системе, как это, может быть, ни странно звучит, столь же присущи два качества, о которых я говорил чуть ранее, касаясь внутренних свойств каждого человека – **лень** и **жадность**. Они, собственно, и определяют стремление управленцев из той или иной государственной структуры поступать, согласно *законам Паркинсона*, так, как это описано автором в предыдущей статье⁸, а именно, либо стараться отпихнуть от себя выполнение задачи (лень), либо, если первое действие не удаётся – подгрести под выполнение задачи (а точнее, под исполнение возложенных функций, чувствуете разницу – *результат* и *процесс*?) побольше ресурсов (жадность).

Есть ещё одна составляющая нечувствительности структур *исполнительной* власти, которая определяет их конечную неэффективность – отсутствие перспективного мышления. Практически все управляющие элементы системы пребывают в непрерывно движущемся событийном потоке. Все заняты текущей работой – “текучкой”, которая, как известно, никогда не кончается. Автору настоящей статьи неоднократно приходилось сталкиваться с тем, что для обучения своих сотрудников *система* не предусматривает достаточного временного ресурса, и остро нуждающиеся в повышении квалификации специалисты не могут этого сделать, поскольку “начальство не отпускает”.

Попробуйте проанализировать выступления большинства чиновников, и вы увидите, что это – в основном, “советские” отчёты о проделанной работе, с бесконечными цифрами и показателями, в которых через несколько минут никто из слушателей (а порой и выступающий) уже не ориентируется. В конечном итоге и лучшем случае специалисты эти выглядят, как *хорошо информированные и терминологически подкованные стати-*

⁸ См. статья: Н.Л.Хананашвили. “Ре-форма или Ре-содержание?” - <http://www.grajdanin.ru> или <http://www.nan.ru/soc8.html>.

сты. Поэтому вместо экономистов часто приходится сталкиваться с бухгалтерами, а, например, министерство труда и социального развития, оказывается, у нас никакого отношения к этому социальному развитию не имеет, оставаясь до сих пор обычным советским “собесом”.

Иллюзорность политических и экономических реформ очевидна, поскольку, в их результате мы получили одну “руководящую и направляющую” и некий, достаточно закрытый круг ресурсодобывающих бизнес-элит, но никак не политический плюрализм и устойчиво и поступательно развивающуюся современную экономику. Но для того, чтобы реформировать что-то успешно, необходима разветвлённая система социостатистических критериев и индикаторов, пользуясь которыми специалисты могли бы осуществлять непрерывный мониторинг реформируемых пространств. У нас же ситуация становится понятной либо на следующий день после выборов, либо на утро после дефолта, когда, разумеется, “поезд ушёл, просьба не бегать по перрону”.

Нечувствительность системы заключается ещё и в том, что она, не обладая достаточно серьёзными внутренними аналитическими ресурсами, не способна отслеживать формирующиеся негативные тенденции, своевременно принимать необходимые решения и осуществлять соответствующие и адекватные ситуации и прогнозам действия.

Слабая способность общества воспринимать собственные проблемы объясняется, наконец, тем, что в стране фактически не созданы достаточно разветвлённые институты, осуществляющие полноценное социологическое сопровождение общественных процессов. Социология в основном продолжает выполнять заказ власти на “нужную” информацию, доводимую до граждан, опять же, не в их интересах, а в интересах власти.

Вместе с тем, согласно Эмилю Дюркгейму, социология превосходит экономику в раскрытии наиболее фундаментального слоя человеческой мотивации⁹. Это и не удивительно, учитывая тот факт, что инвестирование в экономике ориентируется на допустимый период окупаемости, равный примерно 7-10 годам, в то время как социальное инвестирование предусматривает вложения, способные дать соответствующий эффект, порой, через 25-100 лет*. В этом смысле России исторически “не повезло”, поскольку социология и многие другие столь важные для человечества в целом, гуманитарные науки в период советской власти (т.е. в период их наиболее быстрого развития во всём остальном мире) находились по существу под запретом. И

⁹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М., 1991.

* Мы уж не рассматриваем здесь ситуаций, когда решения принимаются исходя из внутриполитической (чаще всего, предвыборной) конъюнктуры. В этом случае период инвестирования, как правило, значительно короче и не превышает **4-летнего периода электорального цикла**. Что же касается действий, ориентированных на **цивилизационное инвестирование**, выходящее за пределы жизни настоящего и двух-трёх следующих поколений (хотя бы в пределах 100-5000 лет), то **представить** себе подобный способ действия, в качестве общепризнанной и принятой практики при выработке и реализации политических решений, автор в нынешнем культурно-политическом контексте просто не может.

отсутствие либо чрезвычайная слабость российской социологии, социэкономике и социальной статистики также можно отнести к пустошам, делающим всю социальную систему слабо рефлексивной, как живой организм, не обладающий нервными окончаниями.

Перечисление зон нечувствительности может занять столько места, что читатель просто устанет читать статью, но от упоминания ещё трёх позиций воздержаться не могу.

Гибель людей, будь то шахтёры в Кузбассе или водители, пассажиры и пешеходы – на дорогах.

Очевидно, что реструктуризация угольной отрасли, на которую ушли миллиарды долларов займов, так и осталась не реформированной. В своё время в Великобритании М.Тэтчер сократила огромное количество шахт именно потому, что это – опасное и нерентабельное производство. И если нас сегодня убеждают, что оно рентабельно, то только потому, что жизни людей при этом мы оцениваем слишком дёшево. (Негативная демографическая динамика, конечно же, реагирует на системообразующие сдвиги, но во многом зависит и от таких “разовых” событий, которые происходят у нас непрерывно.) Тогда, в Великобритании 1980-х, понадобились очень жёсткие меры (бастовавшие шахтёры даже объявили голодовку и от голодания во время забастовки умерло более 10 человек), чтобы начать коренное изменение структуры рынка труда. Так что должно стать аксиомой, что если люди продолжают гибнуть, значит и меры за такие события должны приниматься жёстче, и саму отрасль необходимо коренным образом сокращать. В конце концов, люди важнее энергоносителей – во всяком случае, если мы хотим переходить от роли мирового сырьевого придатка к решению задач, стоящих перед интеллектуально мощной державой.

Аналогична и ситуация с гибелью граждан на дорогах. Десятки тысяч наших граждан ежегодно (вдумайтесь, коллеги!) гибнут на дорогах, а мер, направленных на реальное изменение положения не принимается. К таким мерам должны быть отнесены не только ужесточение ответственности за совершаемые на дорогах аварии, но и за само нарушение правил дорожного движения (ПДД). Вторая мера является более эффективной именно как профилактическая. Опять же, вовсе не случайно в странах Запада столь высоки штрафы за нарушения ПДД. Мерой же эффективности таких служб, прежде всего, должна становиться динамика снижения количества жертв на дорогах.

Наконец, третий пример слабой рефлексивности системы. В стране объявлена административная реформа. Уже сейчас очевидно, что в лучшем случае эта реформа будет пробуксовывать не один год, а в худшем – произойдёт её полная дискредитация, поскольку уже сейчас очевидно, что:

1) те нормативные акты, которые регламентируют деятельность министерств, федеральных служб и агентств, пестрят многочисленными нарушениями принципа разделения функций;

2) до общества суть производимого реформирования так в полном объёме и не доводится; складывается ситуация, схожая с недоброй памяти приватизацией;

3) абсолютно не готовым к изменениям оказалась и сама власть, поскольку в России по существу для этого нет (или, скажем, мягче, крайне не хватает) кадров;

4) для проведения реформы необходимо создать и механизмы массового переобучения и переквалификации чиновников для работы в новых условиях; ничего подобного мы до сих пор не наблюдаем;

5) наконец, принципиально не изменяется система управления, остающаяся до сих пор командно-административной.

Итак, данное свойство порождает очевидное следствие – крайнюю остроту практически всех актуальных сегодня проблем. Нечувствительность системы не позволяет вовремя их заметить и не допустить опасного обострения.

Такое происходит ещё и потому, что система обладает следующим негативным свойством – высокой степенью *закрытости*.

3) Закрытость.

Закрытость российской системы управления является наиболее ярко её характеризующей основой, на которой она сегодня зиждется. Подобно тому, как в комплексе проблем, связанных с коррупцией, это свойство представляет собой одного из трёх “китов”:

- распределение ресурсов;
- закрытость;
- безответственность,

так и в вертикально ориентированной, административно-командной системе закрытость обеспечивает пирамидальную устойчивость (и, одновременно, малоподвижность, а, следовательно, и неэффективность) всей конструкции. Закрытость эта нежно лелеется всеми структурами системы и имеет множество проявлений, начиная от недоступности информации для желающих её получить – под любыми предлогами, будь то государственная тайна или служебная документация, до невыдачи “своих” для публичного осуждения. Несколько примеров и здесь будут нелишними.

Процедуры допуска СМИ к информации от Правительства РФ: ужесточение режимов присутствия журналистов на заседаниях Правительства или их полный запрет, регулирование частоты проведения брифингов, иных способов организации обратной связи – до сих пор остаются нормой, отданной на откуп каждому новому премьеру. Получается, что доступ к такому неотъемлемому элементу демократии, как получение информации (ст.29 Конституции РФ) – есть прерогатива персонального решения. Сами по себе манипуляции власти с доступностью общественности к информации очень вредны и по предыдущему свойству, поскольку снижают способность общества к чувствительности, и сами по себе, т.к. становятся удобным инстру-

ментом политического манипулирования. Снижение уровня информированности сообщества приводит не только к затуманиванию контекста текущих событий (что, безусловно, важно и для понимания интересующимися гражданами и структурами того, что происходит в стране, и собственно для обеспечения возможности эффективного управления), но и к потере доверия граждан к власти, а значит – к снижению уровня демократии.

Следующий пример. Напомню историю с бывшим исполняющим обязанности Генерального прокурора РФ А. Ильюшенко, который за фактическую кражу средств (на нынешние деньги это составило примерно сумму в 600 тыс. долларов США) получил в виде наказания срок в 9 лет **условно**, что очевидно выбивается из общей российской уголовно-судебной практики. Или тот же офицер, о котором говорилось несколько ранее, доведший до смерти паренька в Ханты-Мансийском автономном округе и за это признанный невиновным. Или полковник, ударивший женщину с ребёнком на руках, в отношении которого дело было закрыто уже через неделю, а женщина была вынуждена переехать в другой город? Чувствуете повторяющееся в трёх последних случаях методологическое единство? “Своих – не сдавать”. Таким образом, “своими” считаются все, “верой и правдой” служащие не народу и гражданам (это – только формально так), а системе (а вот это – содержательная часть).

Кстати, закрытость – удивительно питательная среда и для злоупотреблений в армии, будь то дедовщина или разворовывание имущества.

Граждан непрерывно убеждают, что они участвуют в управлении государством – через выборы своих представителей в органы законодательной власти. Поскольку мы уже видели, насколько демократично проходят подобные мероприятия, для нас очевиден и факт управленческого прессинга и манипуляций общественным сознанием, прежде всего, с помощью жёсткого административного и информационного воздействия. Далее – избранные таким образом верховные законодательные органы монополизируют даже право на допуск законодательских инициатив к рассмотрению Государственной Думой через тотальное руководство всеми её комитетами и становятся простым придатком исполнительной ветви власти, а граждане получают видимость своего участия в политической жизни страны.

И сегодня, когда в органах власти царит идеологическая монополия (при этом методы, с помощью которых проводится эта идеология, являются такими, которые вполне укладываются в логику понятия “тирания большинства”), единственным остающимся в распоряжении общества инструментом могли бы быть негосударственные некоммерческие организации (НКО). Но до сих пор организации гражданского общества (а на взгляд автора, именно они являются олицетворением и организационной формой для практического, неполитического и наиболее конструктивного проявления гражданской активности, неуспокоенности) фактически не допускаются до публичного обсуждения общественно значимых для судьбы России тем.

Причин, по которым ситуация такова, множество: от культурно-исторических (причём, такая закрытость характерна была вовсе не только для

российской политики, т.е. это – свойство до определённого момента универсальное) до сугубо прагматических, о чём было сказано несколько выше, при упоминании о коррупции.

В качестве естественного результата закрытости мы получаем одно следствие, которое обесмысливает постановку каких бы то ни было амбициозных задач в рамках *демократических* преобразований – **взаимное общественное недоверие**: власть не доверяет гражданам, граждане отвечают власти вполне заслуженной взаимностью. Следует подчеркнуть именно эпитет “*демократических*”, поскольку при отсутствии демократии и желания её создавать доверие вовсе не обязательно.

В данном случае необходимо отметить, что, закрытость системы приводит дополнительно ещё к двум негативным последствиям, характерным для ныне осуществляемой политики:

- **коррупция;**
- **неэффективность.**

Для коррупции закрытость – лучшая атмосфера. Соотношение уровня коррупции, как неизбежного следствия закрытости системы, и темпов экономического развития носит обратно пропорциональный, собственно, даже вычисленный характер. Если брать чисто научные подходы, то можно отметить результаты регрессивного анализа, предпринятого Паоло Мауро, с помощью которого установлено, что понижение индекса коррупции на 2,4 пункта (по 10-балльной шкале) сопровождается 4-процентным повышением темпов роста среднедушевого дохода населения¹⁰. Однако есть ещё более непосредственные закономерности, демонстрирующие, что рост уровня коррупции, т.е. *индекса восприятия коррупции*, исчисляемого по 10-балльной шкале (*Corruption Perceptions Index – CPI*), на 0,78 пункта приводит к резкому сокращению (на 7,8%) доходов наименее обеспеченных слоёв населения¹¹. Такое соотношение вполне естественно. Если к примеру взять область образования, то коррупция в данной сфере приводит к снижению бюджетного финансирования этой социально значимой отрасли. Такое снижение наиболее остро влияет именно на возможности получения качественного образования для более бедных граждан, что не просто отражается на реализации права самих граждан получить более высокую квалификацию и, вследствие этого, повысить уровень заработка, но и на карьерных перспективах их детей.

Для того, чтобы сделать управление системой эффективным, нужно всё-таки понимать, что же происходит “в чёрном ящике”.

4) Реактивность.

¹⁰ P. Mauro. “The Effects of Corruption on Growth, Investment and Government Expenditure: A Cross-Country Analysis”, in *Corruption and the Global Economy*, ed. Kimberly Ann Elliot (Washington D.C.: Institute for International Economics, 1997), p.91.

¹¹ S.Gupta, H.Davoodi, R.Alonso-Terme. “Does Corruption Affect Income Inequality and Poverty?” *IMF Working Papers 98/76* (Washington D.C.: International Monetary Fund, 1998).

Непрерывное запаздывание в действиях – очень характерный признак деятельности власти. Чуть ранее уже было сказано об отсутствии перспективного мышления и слабой рефлексивности во властных структурах. Именно отсюда реактивность политики прямо и вытекает. Система нечувствительна к изменениям среды, в которой её необходимо осуществлять. Закрытость не позволяет внешним агентам производить адекватный реальной необходимости мониторинг, непрерывное наблюдение за общественно значимыми процессами и оценку ситуации в той или иной точке её развития; государственные аналитические структуры в ныне действующих управленческих звеньях до сих пор используют чуть ли не доперестроечный инструментарий. Программы, реализуемые Правительством РФ, “в приличном обществе” даже программами называться не имеют права, поскольку в них программные действия по существу отсутствуют: это – не программы, а Н-летние планы строек и закупок оборудования. В этих “программах” нет изложения сути, содержания производимых действий, которые можно было бы *качественно* оценить. Поэтому, в виде отчёта о выполнении программы и основных индикаторов успешности (если исполнители вообще применяют подобный инструментарий, что случается нечасто), фигурируют не количество представителей целевых групп, обретших в результате работы программы самостоятельность и способность к самообеспечению, а объёмы средств, израсходованных на строительство зданий и закупку оборудования.

В свою очередь, непрерывное реагирование, в качестве основополагающей функции, и не оставляет времени для системных проактивных действий, нацеленных не только на упреждение возможных негативных социальных тенденций и событий, но и на формирование позитивно сформулированного пространства устойчивого социального развития. В этом случае, в качестве неизбежного следствия можно назвать отсутствие внятно сформулированной и успешно реализуемой стратегии. Вся работа превращается в один сплошной поток пожарных ситуаций, в котором не власть формирует текущую работу и разномасштабные перспективы собственной работы, а складывающаяся почти без её воли обстановка диктует органам власти predetermined последовательность требуемых от них спешных и слабо осмысленных действий.

5) Паллиативность.

Стремление к решению той или иной проблемы и её острота, подчас, бывают столь велики, что государственная структура не утруждает себя задачей понимания, откуда взялась та или иная проблема, в чём её причина, и как необходимо воздействовать на неё, чтобы решать поставленные задачи успешно, своевременно и эффективно. Такая спешка, равно как и отсутствие соответствующих независимых аналитических организаций, приводит к тому, что усилия прикладываются весьма поверхностно, а воздействие осуществляется не в отношении преодоления самой причины (или причин) проблемы, а, как правило, в отношении её следствий. Саму проблему решить не

удаётся, она лишь оказывается загнанной в глубину, где пребывает в ожидании своего следующего часа. Результатом становится не излечение, а, если пользоваться медицинским термином, перевод заболевания в скрытую хроническую форму.

Налицо дефект целеполагания. Если же в качестве целей указываются неверные ориентиры, то и результат будет очевидно неудовлетворительным, а следствием данного дефекта становится та же **неэффективность**.

Применяя пример с дефектом формулирования и выполнения программ, можно сказать, что таким, бессмысленно паллиативным способом власть пытается решить проблему социального сиротства. Парадоксальная и безусловно ложная логика “заставляет” чиновников тратить всё большие и большие средства на строительство новых домов-интернатов для социальных сирот. Как будто проблему социального сиротства можно решить, построив дополнительно к имеющимся ещё несколько интернатов. Поскольку, очевидно, что проблема таким образом не решается, то и количество социальных сирот в России продолжает расти.

Так же обстоит дело, например, с коррупцией. Власть заявляет о борьбе с этим разъедающим общество злом, но борется прежде всего с коррупционерами, хотя очевидно, что они – лишь проявление болезни. Сказанное не означает, что не нужно ловить мздоимцев; однако антикоррупционные мероприятия ни в коем случае нельзя сводить только к этому. Основой же борьбы с коррупцией была и остаётся работа по повышению уровня прозрачности системы управления во всех её звеньях. Тут в самый раз вспомнить очередную русскую присказку о ловле рыбки “в мутной воде”. Именно она отражает суть и основу предпосылок для коррупции.

Пути к повышению валового внутреннего продукта (ВВП) мы ищем в прибыли нефтедобывающих компаний (в так называемой “природной ренте”), хотя не составит труда понять, что сверхприбыль эта – явление временное, произошедшее от переменчивой рыночной конъюнктуры на сырьевые энергоносители.

Паллиативные решения не просто бессмысленны, они вредны, поскольку расходуют время (не говоря уж о силах и средствах) на “борьбу с тенью”. С этой точки зрения практически бессмысленно пытаться строить *стратегию преодоления бедности* на перераспределении имеющихся ресурсов вместо того, чтобы формулировать и реализовывать процедуры, механизмы и формы усиления и развития способностей слабого к самообеспечению.

И здесь читателю тоже стоит обратить внимание на неистребимое до сих пор стремление власти найти **простое** и **репрессивное** решение. Только вот **решением самой проблемы** оно не является...

б) Затратность.

Система обладает целой совокупностью свойств, которые делают её не просто неэффективной, высокозатратной, но и **затратностремительной**, настроенной на поглощение всё больших объёмов ресурсов.

Монопольное положение государства в социальной сфере рождает неэффективность так же, как закрытость системы неизбежно приводит к коррупции.

Сметно-ведомственное финансирование формирует такие отрицательные свойства системы как:

- межведомственная разобщённость и противостояние (прежде всего, за *собственное выживание*, вместо сотрудничества в ходе решения стоящих перед обществом острых проблем);
- дублирование функций;
- построение бюджета по принципу “от достигнутого”, а не в соответствии с реальными потребностями;
- катастрофический дефицит кадров в области управленческого менеджмента;
- абсолютную финансовую негибкость.

О последнем из перечисленных свойств стоит сказать особо. Нынешний процесс исполнения бюджета настолько ярко характеризует неэффективность системы в целом именно через это свойство, что одного его хватило бы для обоснования требуемых изменений. Автор многократно встречался с ситуациями, когда та или иная государственная структура, реализуя принятую “программу”, была готова в конце года истратить остающиеся средства “*абы на что*”, лишь бы не возвращать их обратно в бюджет. Происходило это (и до настоящего времени происходит) оттого, что неосвоение финансовых ресурсов грозит соответствующей структуре только тем, что в следующем финансовом году эта расходная статья может быть сокращена, а такого развития событий данная государственная структура допустить не может никак (помните о “жадности” системы?).

Таким образом, система, состоящая из соответствующим образом действующих элементов, изначально ориентирована не на *результативность*, а только на *освоение выделенных средств*. Как нетрудно догадаться, с освоением у нас всё в порядке...

7) Манипулятивность.

Манипуляцию можно увидеть практически во всём происходящем – и не потому, что так хочется автору, а потому, что она действительно по существу везде. Выборы – это тоже род манипуляции, когда использование внеправовых ресурсов даёт желательный для властных структур сиюминутный политический эффект. При этом власть от граждан не требует вдумчивости и осознанности в выборе, как не интересуется тем, чего хотят граждане в промежутках между выборами. Сам по себе подход, реализующий ныне в России модель “демократии голосования”, есть олицетворение манипулятивности.

Не так давно автору статьи довелось принять участие в семинаре, организованном Московской школой политических исследований Елены Немировской. В ряде предыдущих циклах обучения уже приняло значитель-

ное количество представителей российской региональной политики. Безусловным достоинством школы следует назвать постоянное приглашение большого количества высокопрофессиональных зарубежных, а иногда и отечественных, специалистов в области политики. Не задаваясь целью анализа работы всего семинара школы, хочу обратить внимание на одно событие, произошедшее в ходе него.

В один из дней семинара на сессии выступил некий российский политолог (не буду называть его имени и фирмы, которую он представлял; почему, надеюсь, читатель меня поймёт) с темой, посвящённой только что прошедшим к тому моменту парламентским выборам 2003 года в Государственную Думу IV созыва. То, что львиную долю времени он уделил вопросам анализа предвыборных лозунгов и слоганов, меня не удивило. Но, честно говоря, я был неприятно поражён тем интересом и неподдельной увлечённостью, с которыми подавляющее большинство участников семинара (а это были многочисленные политики регионального уровня из многих субъектов РФ) впитывало в себя эти манипулятивные откровения, сколько интереса было в вопросах о технологиях манипулирования общественным сознанием. Представителей регионов очень живо интересовало, как сделать возможно более красивым “фантик от конфетки”...

Приведённый пример, к моему большому сожалению, представляется типичным как в региональной практике, так и на федеральном уровне и в масштабах всей страны.

Оставляя “за скобками” этическую сторону вопроса, можно сказать, что мы имеем ещё одно следствие манипуляции государственной машины гражданами. А именно, манипулируя кем-то, манипулирующий принимает на себя весь груз ответственности за происходящее, поскольку манипулируемый “не ведает, что творит”: его же, по существу, обманывают. В итоге власть имеет обманутое население, от которого нельзя потребовать **ответственности** за содеянное, поскольку оно всего лишь “выполняет приказ”. Бесправный человек (а в случае манипуляции он именно лишается прав путем внешнего воздействия) не может быть ответственным. Но и те и другие выглядят в этой истории достаточно неприглядно: первые – как **лжецы**, вторые – как **глупцы**.

Всё, что делается в системе, естественно, подаётся как забота о гражданах. Вместе с тем и сами граждане, обладая издревле взлелеянным социальным иждивенчеством, как бы вовсе и не против. Возникает взаимная безответственность как власти, так и граждан. Порочный круг этой пары свойств должен быть разорван.

Мы, наконец, добрались до свойства заключительного, из данного списка основных, но, конечно же, отнюдь не последнего, свойство это –

8) Монополизм.

Иерархия – единственный способ организации общества с низким уровнем доверия.
Позитивный плод российской самокритики.

Столь трепетная “любовь” к монополии заставила автора для этого случая даже использовать один эпиграф, являющийся небольшой перефразировкой очень точной мысли Фрэнсиса Фукуямы¹².

Стремлением к захвату монополии обладает практически любой элемент системы, как и любая подсистема, имеющая уровень разума, достаточный для первичного осознания необходимости видового выживания, будь то человек, самоназвавшийся “царём природы”, или социальная, политическая или экономическая структура. Однако этот самый, первичный уровень представляется весьма примитивным, и история приводит множество свидетельств тому, как монополизация становится одновременно и первым шагом к загниванию и, впоследствии, к гибели монополиста. Причина довольно проста: отсутствие конкуренции неизбежно и негативно отражается и на стремлении монополиста к развитию, а развитие, как известно, есть естественное состояние всего живого. Не развивающийся организм – умирающий организм. Однако, при отсутствии понимания этого у системы или у соответствующего элемента системы, не заинтересованного в её устойчивости и/или наделённого полномочиями по её выстраиванию и регулированию, управляющие действия, помимо воли, становятся неотвратимо разрушительными. Темпы такого разрушения могут быть выше или ниже, что зависит от многих причин, но прежде всего, от меры инертности системы и остроты кризиса монополии. Поскольку громоздкие (и, замечу, *вертикальные*) социальные системы имеют достаточно длительные сроки индикативности воздействий (по причине, прежде всего, *слабой рефлексивности*), управляющий элемент может и не заметить опасных тенденций. Зачастую, так и происходит, что представляет собой для системы ещё большую опасность, поскольку сила инерции втягивает систему в весьма долгосрочный, затяжной кризис, всякий раз тяжело переживаемый её элементами (при рассмотрении некоего социума в качестве системы – членами данного общества). Длительность кризиса может оказаться большей, нежели предел терпения консолидирующихся групп населения или жизненно важных элементов системы, и тогда неизбежны разрушения в системе, а, возможно, и гибель всей системы.

Сегодняшняя монополизация политической сферы, при условии желательности именно демократических перемен, грозит существенным снижением качества управления страной в целом; при этом вопросы преодоления бедности просто даже и не смогут фигурировать в качестве достижимых. Фактическая потеря Государственной Думы ФС РФ в качестве дискуссионной площадки для обсуждения требуемых изменений (без создания какого-либо альтернативного ей публичного инструмента), неизбежно приведёт к заметной разбалансировке системы, в которой исполнительной власти,

¹² Ф.Фукуяма. Великий Разрыв./ Пер. с англ. Под общ. ред. А.В.Александровой. – М.: ООО “Издательство АСТ”, 2003. – с.306.

как это ни покажется странным её представителям, не хватает парламентского противовеса, что до поры до времени не замечается за кажущейся комфортностью разработки и продвижения собственных инициатив...

Жажда монополии на уровне “первичного разума” столь велика, что монополизация происходит легко и незаметно. Обратный же процесс усилиями самой системы очень сложен и практически слабореализуем. В результате приведённые примеры монополизма множатся до бесконечности; равным же образом снижается и эффективность системы. Суды, не приобретшие должной самостоятельности, не только выполняют для власти глубоко сервисную функцию, но и разубеждают своей практикой граждан в возможности найти справедливость, что сказывается даже на работе судов присяжных. Попытка проведения административной реформы с разделением функций на правоустанавливающие (министерства), контрольные и надзорные (федеральные службы) и сервисные, т.е. по оказанию услуг (федеральные агентства) наталкивается на неистребимое и формально неодушевлённое желание согнать все функции снова под министерство.

Позволив себе некоторое обобщение, скажем, что

монополизация в процессе построения демократии неизбежно рождает либо ожесточённое сопротивление, либо смиренное раболепие, но никогда – инициативное творчество.

Краткий анализ вышеперечисленных свойств позволяет сделать системный вывод, оспорить который достаточно сложно: **до тех пор, пока эти свойства будут сохраняться в политической практике России, все разговоры о преодолении бедности будут оставаться номинальными декларациями**, сильно отдающими хорошо знакомыми нам кампанейщиной и начётничеством. Более того, любое реформационное действие должно проходить тест на преодоление этих свойств, и если такое действие не способствует снижению уровня того или иного свойства, значит предлагаемое и принимаемое решение не будет содействовать и преодолению бедности, как негативного, в своих массовых проявлениях, социального явления.

IV. ОТЦЫ И ДЕТИ

Дети – привилегированный класс.

Нынешняя сказка российского политического леса.

В данном разделе настоящей статьи приведу один пример, в котором, как в капле воды, отражаются все вышеперечисленные негативные свойства современной политики в России. Пример этот – политика российского государства в отношении семьи и детства. Пример выбран не случайно: дети –

это те, кто останется после нас в нашей стране в качестве следующих “пользователей”, и, если воспринимать “время как поток”¹³ и действовать в соответствии с этим восприятием, то наши сегодняшние действия должны быть построены так, чтобы именно для них проблема преодоления бедности перестала, наконец, быть столь злободневно острой. Кстати, в основе стратегии устойчивого развития основным элементом должно являться положение, согласно которому мы не просто должны *сохранять* ресурсы Земли для будущих поколений, но и сделать так, чтобы следующие поколения имели **более высокие шансы для самореализации**.

Однако, рассмотрим “детскую” тему с несколько более приземлённых позиций.

Ни для кого не секрет, что проблема детской и подростковой наркомании, безнадзорности, беспризорности и преступности сегодня как никогда остра. Однако и само звучание темы, и методы, с помощью которых в настоящее время эта проблема решается, являются демонстрацией всех негативных свойств, перечисленных выше. Пройдём по пунктам.

1) Репрессивность – в мышлении и в действиях. Беспризорных детей хватают и насильно возвращают домой в семьи. Откуда они убежали именно потому, что им там было плохо. Родителей из неблагополучных семей достаточно легко лишают родительских прав, не предпринимая реальных и действенных шагов для помощи семье в восстановлении, до тех пор, пока это возможно.

2) Слабая рефлексивность. Сам факт, что всерьёз государство начало заниматься безнадзорными и беспризорными только после того, как на неё обратил особое внимание Президент В.Путин, свидетельствует о степени значимости данного свойства для системы. Реакция государственных структур наступила только после “начальника”. До этого проблемы как бы и не было – в течение почти 10 лет (с начала 90-х годов прошлого столетия до 2000 года)!

3) Закрытость. Система настолько закрыта, что до настоящего времени даже неизвестно точное количество безнадзорных и беспризорных детей, и цифры, приводимые различными ведомствами, отличаются если и не на порядок, то в разы. Дублирование функций ведомствами зачастую приводит к многократному подсчёту одних и тех же детей. Государственная политика в данной области не прозрачна, поэтому до настоящего времени нет, и пока не может быть, системы общественного мониторинга и независимой оценки государственной политики в отношении семьи и детства. При этом закрытость системы помощи детям не позволяет неправительственным организациям полноправно участвовать в осуществлении такой политики.

---

¹³ Такой интересный и действенно образный подход для характеристики меры исторической ответственности политика при принятии им решения используют известные специалисты, работающие в Гарварде, Ричард Нойштадт и Эрнест Мэй, см.: Р.Нойштадт и Э.Мэй. Современные размышления. О пользе истории для тех, кто принимает решения. – М.: *Ad Marginem*. Московская школа политических исследований, 1999. – 384 с.

Закрытость даже не позволяет выяснить организациям, занимающимся лоббированием воссоздания в России ювенальной юстиции, причины, по которым во властных органах нет единого взгляда в понимании важности данного института, появившегося более ста лет назад и признанного наиболее эффективным во всём цивилизованном мире.

4) Реактивность.

Государственные структуры, не имея действенной системы профилактики, вынуждены непрерывно и во всё возрастающих масштабах реагировать на происходящие помимо их воли и планов события. Закрытость системы приводит к невысокому уровню качества федеральных законов, принимаемых по данной проблематике. Так, Федеральный закон от 24 июня 1999 года №120-ФЗ “Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних”¹⁴ привёл, как это ни парадоксально звучит, как раз к росту этой самой безнадзорности. Причина в том, что закон оказался нацеленным не на помощь ребёнку в решении его проблем, а на установку границ компетенции между ведомствами. Между этими границами ребёнок-то и “провалился”. Принятие и введение в действие закона привело к резкому росту числа иногородних беспризорников, которым милиции не позволялось помогать, пока они не совершили какого-либо правонарушения. Доходило до полной несуразицы: милиционер просил беспризорного совершить какой-нибудь проступок, чтобы затем ему помочь.

5) Паллиативность.

Лишая родительских прав людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации (например, тот же алкоголизм, как болезнь, по праву можно отнести именно к таким обстоятельствам), государство, *формально*, поступает совершенно правильно. Несовершеннолетний, как правило, помещается в детский дом, в котором он однако никогда не получит знаний о том, **как нужно строить свою собственную семью**. Статистика подтверждает, что относительно благополучными можно назвать судьбы лишь 10% выпускников детских домов и интернатов...

Это – то самое *простое* решение, которое позволяет не “возиться” с проблемой, а решить её *силовым* способом. Отсутствие профилактических действий, позволяющих заблаговременно обратить внимание окружения этой семьи на более ранних этапах, когда разрушение семьи ещё не стало необратимым, приводит к трагедии маленького человека, ребёнка (*запаздывание* или *реактивность*). Проблема же, тем временем, становится год от года всё более острой и распространённой...

Совокупность перечисленных свойств не позволяет власти понять, что проблемы наркомании, безнадзорности, беспризорности и преступности являются следствием. А причина – в системном и систематическом нарушении прав ребёнка. И тогда решение проблемы будет заключаться не в многочисленных и бессистемных авральных действиях, а в создании системы ювенальной юстиции в широком смысле этого термина. При этом стержнем

¹⁴ Собрание законодательства Российской Федерации, 1999, №26, ст.3177.

такой системы становится специализированный ювенальный суд, а вся система представляет собой

“совокупность государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, должностных лиц, неправительственных некоммерческих организаций, осуществляющих на основе установленных законом процедур действия, нацеленные на реализацию и обеспечение прав, свобод и законных интересов ребёнка (несовершеннолетнего)”¹⁵.

6) Затратность.

И это свойство также очень характерно для сферы социальной семейной политики. Взять хотя бы те же интернаты. Несложный экономический расчёт позволяет выяснить, что содержание в данном учреждении одного ребёнка обходится государству по крайней мере вдвое дороже, чем определение его, например, в патронатную семью.

Впрочем, и без расчётов хорошо известна аксиома, что своевременная профилактика проблемы, как и болезни, существенно дешевле, чем решение самой проблемы (излечение уже заболевшего).

Строительство нового здания интерната и наполнение его персоналом и оборудованием – заметно дороже, чем **социальное насыщение работы с ребёнком**, находящимся в социально опасном положении, **и его семьёй**.

7) Манипулятивность.

Способ снижения беспризорности также представляет собой наглядную картинку. Пойманные несовершеннолетние усилиями органов соцзащиты просто отправляются домой, откуда они когда-то убежали, и *механически* возвращаются домой. При этом никто не пытается работать с семьёй, из которой этот ребёнок убежал. Естественно, что через некоторое время этот ребёнок вновь убежит из семьи. Только в этот раз он прятаться будет лучше... А государственные структуры отчитаются о количестве перевезённых несовершеннолетних (здесь уже манипуляция цифрами) – так, как будто от этой отчётности те перестали быть беспризорными.

8) Монополизм.

Демонополизация всей социальной политики в целом, и социальной семейной и по защите прав ребёнка, в частности, – безусловно необходимое условие для начала работы по повышению её эффективности. Если признать справедливость нынешних российских статистических показателей, то можно с уверенностью констатировать, что, начиная от роста преступности среди несовершеннолетних и заканчивая демографической ямой, в которой Россия оказалась в настоящее время, – всё свидетельствует о неэффективности данной сферы реальной политики. И, разумеется, это вовсе не случайно происходит на фоне абсолютной монополии государства на осуществление политики в отношении семьи и детства. Непринятие таких правовых норм как закон о социальном заказе не позволяет включить неправи-

¹⁵ Тексты законопроектов, составляющих основу инновационных предложений по воссозданию в России ювенальной юстиции, опубликованы в Альманахе “Вопросы ювенальной юстиции”. – М.: Фонд “НАН”, №№1-3, 2000-2001.

тельственные организации в процесс оказания помощи несовершеннолетним на основе бюджетного финансирования, чтобы за счёт такой конкуренции государственным и муниципальным организациям сделать эти услуги более дешёвыми и эффективными.

Очевидно, что с вышеперечисленными свойствами нынешней политики успешно справляться с проблемой бедности невозможно. Система должна реформационно меняться. Причём таким образом, чтобы приобрести способность воздействовать и на те причины, которые можно считать внутренними для каждого индивидуума.

V. ЖЕЛАТЕЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ПОЛИТИКИ

“- Жить, как говорится, хорошо!

- А хорошо жить – ещё лучше!”

Л.Гайдай. К/ф “Кавказская пленница”.

Что мы хотели бы иметь – об этом тоже можно относительно уверенно судить: время от времени мы готовы кивать то на Скандинавию, то на Западную Европу, то на США. В системе управления и перспективах развития всех этих стран, правда, есть существенные отличия. В зависимости от выбираемой модели мы будем иметь свой набор требуемых действий. И в любом случае необходимо будет учитывать как плюсы и минусы каждой модели, так и особенности, отличающие ситуацию в России от исторических корней, процессов становления и нынешней ситуации в других странах. Однако, тем не менее, общее направление движения предлагаю считать примерно совпадающим.

Вместе с тем, загвоздка оказывается даже не в выбираемой цели, а в самом **процессе движения** от исходной позиции к желаемым рубежам. Такое строительство перехода из состояния нынешнего к мечтаемому горизонту так, чтобы наше “светлое завтра” не становилось “трудным сегодня”, а в дальнейшем – и “темным прошлым”, пока России осуществить никак не удаётся.

И здесь стоит быть более осмотрительным, поскольку, выбирая тот или иной наглядный вариант движения, мы обрекаем себя на “догоняющее развитие”, то самое, в ходе которого мы обречены, во-первых, на повторение уже совершённых ранее другими ошибок (как это всегда происходит в школе, при списывании с чужой тетрадки), а во-вторых, на вечное отставание. Но бежать в направлении *совершенно своём*, как это, подчас, предлагается, пользуясь идеей собственного и уникально особого пути у России – то есть, “по бездорожью и разгильдяйству”, наверное, всё-таки не стоит. Так что опыт многих стран нам предстоит не просто учитывать, а многократно анализировать, публично обсуждать и использовать, всякий раз адаптируя, приспособлявая к российским реалиям и особенностям того или иного региона.

Для понимания требуемых свойств политики, способствующей преодолению бедности, достаточно несложно выстроить ряд понятий – антиподов тем, которые фигурировали в качестве неотъемлемых свойств современной российской политики. Сделаем это и дадим некоторые необходимые комментарии. Комментарии эти будут в основном направлены на выявление **критериев**, опираясь на которые можно сформировать **индикаторы** и **показатели**, отражающие меру того, насколько предлагаемые в дальнейшем изменения способны позитивно отразиться на состоянии уровня бедности в стране. Поэтому в данной части статьи будет осуществлён первичный, наиболее упрощённый по процедуре подбор таких критериев. При этом, конечно, автор не ставит задачи образование исчерпывающего перечня критериев и индикаторов, но лишь даёт некоторые собственные предложения в качестве очевидных примеров. Пользуясь такой или аналогичной методологией можно расширить и дополнить требуемую картину.

1) Репрессивность – поддержка гражданских инициатив и толерантность.

Каждое из пары понятий, противопоставляемых репрессивному подходу, играет в данном контексте свою собственную немаловажную роль. Если первое понятие (**поддержка гражданских инициатив**) относится к изменению принципов деятельности государственных структур на некую противоположность принципу “*тащить и не пущать*”, характерному для устойчивой и неповоротливой монополии, то второй термин (**толерантность**) нацелен на изменение издревле принятого в России поведенческого стандарта – на снижение уровня агрессии в российском обществе.

Принципиальное изменение усилий государственных институтов, с подавления инициативы на её поддержку, естественно, в позитивных и конструктивных начинаниях, позволяет власти не только “сэкономить силы”, но и получить серьёзное подспорье в виде гражданских инноваций, способных заметно помочь в поиске приемлемых решений социально значимых проблем, и добровольческого ресурса, который, разумеется, далеко выходит за пределы весенних субботников по уборке мусора во дворах и посадки деревьев в парках.

Очевидным и приемлемым критерием поддержки гражданских инициатив можно считать **развитие деятельности негосударственных некоммерческих организаций (НКО)**, прежде всего, в виде выделяемых различного характера грантов – как от государственных и муниципальных структур, так и с привлечением средств отечественного бизнеса, например, в форме фондов местного сообщества (аналог западных *community foundation*), а также их **правовое и процедурное встраивание для реального участия общественно активных групп в осуществлении государственной политики**.

Агрессивный стандарт поведения в обществе неизбежно противопоставляет одни группы населения другим, что вряд ли будет способствовать преодолению бедности. Нет никакого сомнения в том, что уровень агрессии

в обществе, определяемый множеством факторов, напрямую характеризуется прежде всего **количеством и остротой конфликтов** (прежде всего, военных, как внутренних, так и, возможно, внешних), в которые непосредственно или опосредованно, в качестве поддерживающей одну из сторон страны, вовлечена Россия, а также **динамикой преступности**. В конечном итоге преступность – это, в определённой степени, и реакция граждан на агрессию государства.

Третьим критерием, важным и значимым для выстраивания вектора в нужном направлении, можно назвать **разветвлённость технологически описанных и практически внедрённых способов нерепрессивного разрешения конфликтов в обществе** – самими гражданами и разнообразными институтами: государственными, негосударственными и смешанными¹⁶.

Казалось бы, что тут мудрить? Ведь есть же библейское изречение: “око за око, зуб за зуб” из 3-й Книги Моисея, значит и нужно поступать так же, отвечая кровью за кровь, мщением за преступление. Однако такой стандарт поведения, применяемый сегодня и в российской уголовно-правовой практике, да и значительно шире, в методах ведения межгосударственной политики (примеры поведения сторон в арабо-израильском конфликте и США в концепции превентивных ударов по странам “оси зла” налицо) свидетельствуют об их принципиальной неэффективности в долгосрочной перспективе.

Попробуем коротко разобраться с “первоисточником”. Дело в том, что фраза, считающаяся цитатой из Библии, переведена с древнеарамейского, как считают специалисты, не совсем точно. Известный немецкий теолог Пинхас Лапиде, анализируя различные переводы текста Библии, отмечал заведомо неверный смысл этой фразы и рекомендовал ориентироваться на перевод, данный в своё время Мартином Бубером:

“Если же случится зло – отплати за жизнь возмещением жизни, за око – возмещением ока, за зуб – возмещением зуба”¹⁷.

Так вот, некорректно переведённая цитата должна быть обращена не к пострадавшему от преступления и не взывает к мщению, а напротив, направлена в адрес провинившегося и побуждает и принуждает его к заглаживанию вины перед пострадавшим.

Дьявол, как и всегда, прячется в деталях...

Обращаю внимание читателя на то, что в данной части раздела статьи, в отличие от других частей раздела, репрессивному стандарту мышления

¹⁶ Читателю, наверное, подчас, не просто понять, что именно имеется ввиду под тем или иным сконцентрированным понятием. В данном случае, под **способами нерепрессивного разрешения конфликтов** подразумевается такие активно развивающиеся социальные технологии, как разнообразные процедуры так называемого “восстановительного правосудия” (технология примирения правонарушителя и жертвы правонарушения, семейные и школьные конференции, “круги заботы” и др.). См., например: Восстановительное правосудие./ Сб. под общ. ред. И.Л.Петрухина. – М.: МОО “Судебно-правовая реформа”, 2003. – 196 с.

¹⁷ Цитата приведена из статьи: М.Мэртес. Возлюби врага своего./ В кн.: М.Мэртес. Немецкие вопросы – европейские ответы. – М.: Московская школа политических исследований, 2001. – с.с.270-282.

противопоставляется два понятия. Это не описка. Дело в том, что *поддержка гражданской инициативы*, как таковая, является одновременно и “желаемым горизонтом”, и требуемым вектором движения.

2) Слабая рефлексивность – высокая чувствительность.

Критерием, свидетельствующим о достаточно высоком уровне рефлексивности системы может служить **количество** (а также – при использовании более сложного параметра – **качество**) **инструментов для реагирования на события в стране**. Имеются ввиду все доступные процедуры и институты для обеспечения обратной связи – как государственные, так и негосударственные. В одном ряду перечисления могут быть и исследовательские организации (“фабрики мысли”, центры публичной политики¹⁸), и система саморегулируемых организаций (коммерческого и некоммерческого секторов, естественно, при их готовности к консолидации), и насыщение всей системы сверху донизу разного рода общественными, государственными и смешанного типа структурами, способными играть координирующую, экспертно-аналитическую, информационную, образовательную и иные роли.

В качестве дополнительного аргумента в пользу корректности применения данного критерия сошлюсь на Роберта Патнэма, который в книге “Демократия в движении: эволюция социального капитала в современном обществе”, проводя сравнение по ряду стран “развитой демократии”, с тревогой обращает особое внимание на снижение количества общественных структур в американском обществе, как в определённом смысле настораживающий фактор¹⁹.

В роли ключевого критерия здесь выступает **принцип субсидиарности**, применимый в таком качестве и для целой группы других желательных свойств.

При этом следует особенно подчеркнуть, что приоритетную значимость приобретают **сетевые формы организации**, как альтернатива **вертикальной иерархии** (ещё одна пара противопоставляемых понятий)²⁰.

Нуждаются в форсированном развитии и расширении сфер и масштабов практического применения:

- социология, как наука, обеспечивающая изучение процессов, протекающих в российском обществе;
- социэкономика, как наука, направленная на изучение взаимоотношений между экономической и социальной сферами, их взаимодействие и взаимное влияние;
- социальная статистика, наконец, как инструмент для эффективной и своевременной индикации и фиксации изменений в обществе.

¹⁸ См. например: “Фабрики мысли” и центры публичной политики: международный и первый российский опыт. Сб. статей/ Под ред. А.Ю.Сунгурова. – СПб.: Норма, 2002. – 176 с.

¹⁹ Putnam R.D. Democracies in Flux: The Evolution of Social Capital in Contemporary Society. Oxford: Oxford University Press, 2003.

²⁰ См.: М.Кастельс. Становление общества сетевых структур.// Новая постиндустриальная волна на Западе. – М., 1999.

Ещё одним определяющим возможные позитивные изменения системы критерием следует назвать **социальный капитал**²¹. Включая в себя совокупность значений человеческого капитала, содержащихся в каждом из нас, этот термин, тем не менее, представляет собою нечто заметно большее, чем их простая сумма.

В конечном итоге наличие большого количества сообществ, автаркично, отдельно и отгорожено друг от друга существующих, не создаёт должного уровня совокупного **социального капитала** и желательных темпов его приращения.

3) Закрытость – прозрачность и открытость.

Критерии прозрачности и открытости политики могут формироваться как на основе реализации *законодательных актов*, предусматривающих возможно более высокий уровень прозрачности государственной политики и регламентированные процедуры общественного участия в её осуществлении, так и с учётом разработанных различными странами и международными организациями иных кодифицированных документов. В качестве примера можно привести опубликованный в 1998 году Международным Валютным Фондом (МВФ) “Кодекс надлежащей практики применительно к прозрачности в налогово-бюджетной сфере”²².

Прозрачность следует воспринимать как наличие своевременной, точной, доступной и полезной информации об осуществляемой политике и в области политического планирования в сфере публичной политики – при том, что сфера эта должна непрерывно расширяться. Такая нормативно закреплённая прозрачность позволила бы гражданам не только понимать процессы выработки, принятия решений и их последующей реализации, но и успешно участвовать в процедурно регламентированных действиях и контроле за ними.

Подчеркнём, что под открытостью подразумевается правовая регламентация процедур участия граждан и их объединений в осуществлении политики. В таком случае, на смену командно-административной системе приходит другой способ общественной организации, в основе которого лежит **принцип субсидиарности**.

4) Реактивность – проактивность.

²¹ Термин, впервые прозвучавший в начале XX века при описании взаимодействия местных общин в США, своё нынешнее, более широкое значение приобрёл с помощью работ Джеймса Коулмана, который, рассматривая значимость института семьи, определил *социальный капитал* как “...набор ресурсов, заложенных в семейные отношения и социальную организацию сообщества, способствующих умственному или социальному развитию ребёнка”. См.: J.S. Coleman. Social Capital in the Creation of Human Capital// American Journal of Sociology Supplement, 94 (1988), s.95-120. (Весьма знаменательно, что темой, которая была использована для формулировки понятия, стали *семья и ребёнок*.)

²² Более подробно о прозрачности в бюджетной сфере можно найти в кн.: А.С.Автономов, Т.И.Виноградова, М.Ф.Замятина, Н.Л.Хананашвили. Социальные технологии межсекторного взаимодействия в современной России. Под общей ред. проф. А.С.Автономова. Учебник. – М.: Фонд “НАН”, 2003. – с.с.48-92.

“Качество” политики – может определяться качеством принимаемых законов и их действенностью. Учитывая, что в России огромное количество законов подвергаются непрерывному “изменению и дополнению” и даже Конституция РФ не изменяется только постольку, поскольку на это не идёт Президент РФ, можно сказать, что правовой аспект качества оставляет желать лучшего.

Опора на реагирование, а не корректное перспективное планирование – критерий качества формирования и реализации бюджета.

Суммируя вышесказанное, можно сказать, что в качестве наиболее разумного критерия имеет смысл использовать **долю средств в бюджете, расходующую путём реализации целевых программ**. О качестве данных программ будет сказано несколько позже, здесь же необходимо отметить очевидно **необходимую направленность** данных бюджетных продуктов **на планирование развития ситуации** в той или иной области государственного управления. Ключевыми критериями в этом случае следует назвать: **инвестирование в профилактику, развитие способности** целевых групп и категорий **к самообеспечению и расширение интерактивных связей**.

5) Паллиативность – поиск причин проблемы и воздействие на них.

Неглубокое осмысление истинных причин социальных явлений приводит к поверхностному их восприятию и, как неизбежный результат, к недальновидной политике, в которой не уделяется достаточного внимания аналитической и позитивно конструктивной работе. Как ни странно, читателю может показаться, что количество аналитических структур в России достаточно. Однако это далеко не так: структур, обладающих достаточным количеством высокопрофессиональных специалистов, способных осуществлять непрерывный мониторинг и периодическую многофакторную оценку ситуации в той или иной области политики, в России вовсе не так уж и много. И оценки, регулярно звучащие сегодня в различных СМИ, вовсе не всегда адекватны происходящим событиям. Однако альтернатив им мы практически не наблюдаем. Следовательно, критерием, хотя и весьма условным для применения в данном случае, можно назвать как **количество аналитических организаций**, так и **долю бюджетных средств, расходующихся на проведение аналитических (социологических, политологических и др.) исследований**. При этом качество такого рода оценок будет во многом зависеть от конкуренции между соответствующими исследовательскими структурами, естественно, государственными и негосударственными.

Глубина проработки вопросов позволяет понять и то, каким образом должны быть выстроены акценты и приоритетные векторы.

ВВП должен “формироваться” не за счёт интенсификации продажи природных ресурсов, а на иной, наукоёмкой основе и расти совершенно иначе, вовсе не за счёт изъятия прибыли из одних, частных, рук и передачи их в другие, государственные, как хорошо известно, ещё менее эффектив-

ные. Если мы хотим увеличивать ВВП страны, то безусловно аксиоматичным является поиск не конечных источников ресурсов, коими являются полезные ископаемые, а выход на **неисчерпаемый, интеллектуальный ресурс** страны.

Но тогда критерием, обозначающим качественный переход от паллиатива к воздействию на ключевые проблемы страны, станет, пусть это и покажется понятием несколько отвлечённым, *доля средств, инвестируемых в образование и науку*.

6) Затратность – экономичность и эффективность.

Достаточно сложный для критериального оценивания параметр. В этой ситуации, на мой взгляд, так же, как и в случае с выстраиванием проактивной политики, возможно применение таких критериев, как **расширение доли расходов бюджета, реализуемых через программно-целевой подход** – при условии использования механизмов конкурсности в процессе разработки и реализации программ. Впрочем, эффективность расходования средств может быть критериально оценена через показатели рациональности расходов, однако для этого неизбежны достаточно изрядные нововведения, о которых будет сказано несколько позже. Несомненно одно, требуется изменение подходов к использованию бюджетных средств. Бюджет не должен быть “бездонным колодезем”, в который сколько ни бросай камни, отзвук так и не дожидаться, но точкой приложения взвешенных и рациональных инвестиционных усилий.

7) Манипулятивность – равноправное партнёрство.

Власть, к сожалению, всегда будет стремиться к большей закрытости, поскольку именно при этом условии она способна к каким бы то ни было манипуляциям. Однако публичный характер власти, как института общества, **должен изменяться**. В противном случае партнёрство оказывается невозможным, именно вследствие недоверия власти к субъекту взаимодействия. Недостижимый и даже непредставимый пока для нас уровень открытости власти к обсуждению проблем, касающихся граждан в США, наглядно демонстрирует, насколько власть и там ещё закрыта при принятии политических решений, определяющих жизнедеятельность общества. Общественные слушания по террористическим актам 11 сентября 2001 года – вещь настолько серьёзная, что на них по вызову как миленькие приходят все, начиная от рядовых чиновников и заканчивая первыми лицами администрации Президента, а то и самим Президентом США. И попробовали бы они не прийти и отказаться от дачи показаний!

Для России представить себе общественные слушания, например, по теракту на спектакле мюзикла “Норд-Ост” или по аквапарку “Трансвааль” я себе пока, к несчастью, не могу. Итог для политики и для нашей страны в целом оказывается, как показывает история, весьма плачевен. И иным он быть не может. Только максимально широкое публичное обсуждение позволит и власти выработать наиболее приемлемое решение, за которое по-

том, в случае чего потребуется и ответственность нести, и гражданам чувствовать себя не в очередной раз обманутыми, а активными участниками в жизни своей страны.

Таким образом, именно закрытость делает политику манипулятивной, а историю нашу, в дальнейшем – тёмной.

Несложно понять, что манипуляции общественным сознанием наиболее упрощены именно в условиях информационной закрытости и неосведомлённости.

Таким образом, основным критерием, характеризующим понятие-антипод *манипуляции* – *равноправное партнёрство*, можно назвать **разветвлённость системы публичного обсуждения всех допустимых к такому обсуждению тем государственной жизни**. Кстати, и сам по себе **список закрытых для публичного обсуждения тем** также может быть таким критерием.

8) Монополизм – демонополизация.

В данном случае имеется очевидный критерий – **доля бюджетных средств, расходуемых на конкурентной основе**.

В то же время и предыдущее свойство – *равноправное партнёрство* – будет определять отход власти от принципа монополизма, поскольку демонополизация сама по себе может перерасти как в конкуренцию различных государственных и общественных институтов, так и в их сотрудничество (что в конечном итоге более эффективно).

Ещё одним важным критерием можно было бы назвать разгосударствление (и приватизацию). Так получилось, что такой процедуре, вопреки международной практике последних десятилетий, подверглись самые прибыльные отрасли российской экономики. Вся убыточная (прежде всего, социальная и научная) сфера осталась монопольной и, потому, неэффективной. В этом случае можно сформулировать этот критерий как **долю цивилизованно разгосударствлённой собственности**. В данном случае не случайно подчёркнуто слово “*цивилизованно*”, поскольку именно от этого будет зависеть, получим ли мы в итоге эффективные социальные услуги, позволяющие нуждающемуся в них гражданину получить за свои средства (или за средства бюджетные) именно то, что он хотел бы получить, а также приобретёт ли государство новые технические и гуманитарные технологии, способные обеспечить многовекторный прорыв к устойчивому развитию, или, по-прежнему, будет “*как всегда*”.

Следовательно, под цивилизованностью мы понимаем максимально возможную публичность – прозрачность и открытость, а также жёстко регламентированную систему соответствующих конкурсных процедур. И это – тоже критерии успешности демонополизации.

И ещё один очень важный критерий демонополизации назвать необходимо – **степень разделения государственных управленческих функций**. Однако, поскольку эта тема затрагивалась ранее, здесь мы ограничимся лишь напоминанием о ней.

VI. КАК ДВИГАТЬСЯ К “ГОРИЗОНТУ”?

Милый, ты меня любишь или это “пиар”?

Последняя проверка перед ЗАГСом

В предыдущих разделах данной статьи целому ряду парных свойств (лень и жадность, неэффективность и коррупция, иждивенчество и патернализм, а также форма и содержание, орган и функция, глупость и ложь*) все не случайно было уделено такое пристальное внимание. Эти “эгоцентричные”, почти что личностные свойства, присущие **любой** государственной системе управления, самостоятельно самой системе изменить невозможно. Разумеется, следует оговориться, если мы имеем ввиду *демократические* изменения. Возможности это сделать по крайней мере две.

1) Одна – *силовая*, состоит в наращивании усилий по контролю за деятельностью каждого чиновника, ответственного хоть за что-то. Система тотальной слежки, в принципе, позволит заметно снизить уровень коррупции; однако в этом случае сильно пострадают *демократические свободы* граждан. В данной ситуации положение аналогично проблеме терроризма. Граждане стремятся получить достаточный уровень безопасности, но все хорошо понимают, что при нынешней системе отношений в мире придётся поступаться какими-то реальными демократическими свободами. Однако где тот предел, за которым потеря ценностных завоеваний демократии становится недопустимой? Где пределы власти “ордена меченосцев”?

До настоящего времени человеческое сообщество, к сожалению, не выработало ответов на эти вопросы. Для автора статьи безусловной остаётся справедливость утверждения, что

если меры, предпринимаемые для борьбы с тем или иным социальным злом, приводят к снижению уровня демократии, значит, необходимо вырабатывать другие.

2) Второй путь (его можно назвать *эволюционно-реформистским*) представляет собой совокупность методов, наверное, заметно более сложных, но при этом – направленных на развитие того, что называется в современной тематической литературе “демократией участия”. И я бы добавил “демократией консенсуса”.

Сегодня два этих подхода являются полюсами, вокруг которых объединяются сторонники двух принципиально различных ментальных и методологических подходов внутри, так называемой “западной” цивилизации.

Поскольку путём собственных, внутренних усилий реформировать систему управления вряд ли удастся, необходимо найти внешних агентов, способных на это. Внешним активным агентом могут выступать:

---

* В данный перечень хорошо вписываются и две российские беды: **дураки** и **воры**. Автор настаивает именно на такой паре, поскольку “дороги” (в выражении “*дураки и дороги*”), точнее, их отсутствие или низкое качество, представляется лишь следствием воровства. В этой связи мы не слишком далеко ушли от итальянской “*cosa nostra*”, которая для отмывания денег, нажитых преступным путём, вкладывала их в строительный бизнес, что также порождает дополнительную коррупционную составляющую и в огромных масштабах используется в России.

- ◆ политические силы (конструктивно оппозиционные и процедурно допущенные к контролю)
- или
- ◆ неполитическая (коммерческая и некоммерческая) часть гражданского общества.

В сегодняшней ситуации говорить о возможности привлечения серьёзных политических сил сложно, поскольку реальная и конструктивная демократическая оппозиция (если, конечно, так можно назвать суть формального позиционирования по отношению к нынешней власти партий СПС и “Яблоко”) либо находится в состоянии полной растерянности и перехода к “клубным формам работы”, что, в настоящей ситуации, наверное, неизбежно, либо заняты судебными тяжбами по поводу парламентских выборов декабря 2003 года. И те, и другие с властью в контакт почти не вступают, и вообще, слабо себе представляют, чем бы им таким содержательным заняться в образовавшемся промежутке между выборами. Поскольку российские политические силы почти никогда ничем, по большому счёту, кроме “большой” политики (в смысле *politics*) и не занимались, даже будучи в Государственной Думе, то и движения начинают разваливаться в ожидании то ли новых выборов, то ли новых лидеров. Вместе с тем, не следует забывать, что заметная политическая активность в России до сих пор имеет *строго* циклический характер, откликаясь лишь на выборы, прежде всего, федерального уровня.

Ожидать от бизнес-сообщества выполнения роли такого внешнего агента не приходится, прежде всего, в силу того, что какие бы то ни было социальные преобразования (в том числе, в сфере управления), **не являются элементом их миссии**. В отличие от бизнеса, НКО-сообщество (если таковое имеется) эту мега-задачу ставить **обязано**.

Однако и с “третьим сектором” всё не так просто. Являясь по своей сути сектором некоммерческим, эта большая группа организаций до сих пор не способна переломить сформировавшийся стереотип восприятия общественных организаций, как чего-то, созданного для сомнительных целей. Разрушение на постсоветском пространстве коммунистической идеологии (точнее, её быстрая замена идеологией всевластия рынка) привело к образованию в умах граждан смыслового вакуума. “*Были комсомольцы-добровольцы, теперь – олигархи-капиталисты*”, – так можно было вкратце выразить общественное восприятие произошедших изменений. Помогли формированию такого стереотипа некоторые “шустрые” ребята, которые на волне правовой неопределённости быстро организовали “благотворительные” конторы под громкими названиями. До сих пор граждане помнят как Национальный фонд спорта и ассоциации инвалидов воинов-афганцев, получив огромные персональные налоговые льготы, стали заниматься околоскриминальной коммерцией. Закончилось это всё очень жёстко и плачевно. Самое же ужасное состояло в дискредитации самой идеи благотворительности. И

сегодня власть вообще всячески обходит обсуждение темы о какой-то специфике налогообложения благотворительной (не говоря уж о некоммерческой) деятельности.

И, тем не менее, только неправительственные организации (естественно, при должном уровне их консолидации) и могут стать реальной опорой для власти. Основная причина для этого вывода заключена в следующем. Чем бóльшая часть общества не просто разделяет принимаемые решения, но и активно участвует в их выработке и реализации, тем больше осознающих смысл происходящего граждан и активных сторонников осуществляемых действий мы имеем. В отличие от политических структур, объединения неполитические не имеют столь ярко выраженных политических интересов, прежде всего, они, как структуры, не претендуют на власть. Справедливости ради, надо сказать, что время от времени тот или иной лидер неправительственной организации (подчас, и вместе со своей структурой) пытается стать политиком, того или иного масштаба. Однако это – скорее исключение, нежели правило. В подавляющем большинстве неправительственные структуры хотят “только”, чтобы те проблемы, ради которых они создавались, нашли в государственной (или муниципальной) политике своё решение. Объединяя усилия по реализации политики с соответствующими общественно активными структурами, власть не просто добавляет и эти силы, безусловно, мотивированные, а подчас, и высокопрофессиональные, но и таким образом может разделить ответственность с ними за результат. В любом случае количество участников обсуждения, общественной дискуссии по той или иной животрепещущей проблеме оказывается заметно бóльшим.

Следовательно, и эффект от реализации задуманного будет непременно более значимым. Есть и ещё одна, если так можно выразиться, “синергетическая”, составляющая “демократии консенсуса”. Это – недопустимость силовых решений. Такие решения являются, как правило, наиболее простыми. Но чем выше уровень недемократичности и упрощения процедуры выработки, принятия и реализации решения, тем менее эффективным становится и само решение, и, значит, хуже результат от его реализации. Я, правда, не рассматриваю условия военных действий, когда обсуждение приказа начальника может оказаться губительным. Однако нельзя же всю жизнь жить в военно-казарменных условиях!

К сожалению, руководство России в значительной мере во внешней политике перестало использовать силовые методы скорее *не потому*, что осознало их бесперспективность, а просто *из-за отсутствия самих сил*. Насилие в нашей российской истории настолько обыденная вещь, что даже сегодня огромное количество граждан тоскует по “сильной руке”.

Сформировав в предыдущем разделе статьи первичный перечень критериев политики, ведущей к заметному снижению уровня бедности граждан, в данной части мы предложим некоторые механизмы, позволяющие стране не столько иметь гарантию безбедного существования (что само по

себе имеет не совсем очевидно положительное содержание), сколько содействовать формированию требуемого, для преодоления бедности, набора **векторов позитивного развивающего движения**.

Отдавая себе отчёт в том, что выбранный жанр изложения материала не позволяет сформировать достаточно полный список возможных механизмов преодоления бедности, автор тем не менее надеется, что и предложенные вниманию читателя отдельные примеры позволят всем “заинтересованным лицам”, путём самостоятельного рассуждения, найти допустимые и потенциально успешные аналоги во многих сферах государственного управления.

1) Репрессивность – толерантность и поддержка гражданских инициатив.

Множество примеров того, как рядом с беднейшими колхозами, по сути умирающими от бесхозяйственности и пьянства, возникают и успешно развиваются эффективные фермерские хозяйства, показывают, что *лень не является всеобъемлющим и тотально неискоренимым* свойством россиянина. Однако её избыточно много. Казалось бы, причем здесь репрессивное мышление? Но не всё так просто. *Лень*, как таковая – лишь первый шаг, неизбежно ведущий к целому ряду негативных качеств: *глупость, зависть, подлость, преступление*. Если падение личности изобразить в виде лесенки, ведущей вниз, то перечисленные свойства будут следовать одно за другим. Лень приводит к недостатку ума. Дефицит способности мыслить не позволяет понять, что чей-то успех – это, прежде всего, результат трудолюбия. Отсюда возникает зависть. Опять же, умственная неспособность к открытой и честной конкуренции рождает низкие и нечестные поступки. Отсюда до преступления – всего лишь шаг*.

Тема сама по себе, даже в отношении отдельной личности, достаточно сложна для выстраивания не декларативных, а деятельностных и векторных позиций. Для того, чтобы читателю было легче это сделать, приведу несколько примеров принимаемых решений и возможных альтернатив, желательных при формировании политики, ориентированной на преодоление бедности в российском обществе.

А) Для начала возьмём область права.

Из огромного массива сведений мировой и отечественной криминологии нетрудно сделать вывод о том, что ужесточение меры ответственности за преступление не ведёт к снижению уровня преступности, разумеется, до определённого “болевого порога”. Публичные казни способны запугать людей, но, во-первых, это произойдёт ненадолго, поскольку через какой-то промежуток времени, когда этот самый “болевого порог” повысится, всё вернётся на “круги своя”; во-вторых, в этом случае мы уходим достаточно далеко от желательного, в нашем случае, демократического выбора развития страны.

---

* Данное рассуждение в отношении перечисленных свойств личности, на наш взгляд, применимо и в отношении любой общественной системы.

Однако и безнаказанность (если быть точнее, *безответственность*) – так же порочна.

Есть ли выход из этого, казалось бы, порочного круга?

Не претендуя на исключительную новизну, могу сказать, что целый ряд разработок в этой области имеется и, более того, они приносят ощутимые и зримые положительные изменения в состоянии преступности в тех странах, где применяются. Достаточно назвать модель “*семейных конференций*”, впервые внедрённую в конце 80-х годов прошлого столетия в правоприменительную практику Новой Зеландии. Основанная на древних традициях коренного населения, племён маори, эта технология разрешения конфликтов, направленная на внесудебное участие вместе проживающих на территории групп сообщества, позволила **единомоментно** снизить в стране уровень преступности среди несовершеннолетних почти в три раза²³. Подчеркну, что такое резкое снижение преступности произошло не потому, что повысился порог реагирования общества на правонарушение, как это случилось в России в 2003 году, когда *показатели преступности* несовершеннолетних (но, заметим, не сама преступность) снизились вследствие прекращения регистрации преступлений незначительных и средней тяжести, а за счёт изменения **способа** реагирования – *с репрессивного на реабилитационный*.

В этой связи весьма уместным можно назвать использование в качестве очередного вектора смысловой основы “*восстановительного правосудия*”, когда вместо сложившегося и привычного парно последовательного стереотипа “*преступление – наказание*” используется нерепрессивный подход, формирующий другую понятийную пару: “*нарушение общественного равновесия – восстановление справедливости*”²⁴.

Однако и в российской практике есть подобные примеры. Которые позволяют судить о позитивных изменениях, происходящих при внедрении комплексных технологий, нацеленных на социальное насыщение работы с несовершеннолетними. Так, например, организация, в которой в течение ряда лет работает автор статьи (Российский благотворительный фонд “Нет алкоголизму и наркомании” (НАН)), в своё время реализовала несколько проектов, позволивших разработать технологию работы с несовершеннолетними групп риска на территории нескольких муниципальных районов Юго-Западного округа г.Москвы*. Комплексное применение реабилитационных методов работы, создание такого реабилитационного пространства для несовершеннолетних группы риска позволило добиться в соответст-

²³ См. статью Ф.МакЭлри. Новозеландская модель семейных конференций./ В сборнике: Правосудие по делам несовершеннолетних. Мировая мозаика и перспективы в России. Вып.2, в 2-х кн. Под ред. М.Флямера, Кн.1. – М.: МОО Центр “Судебно-правовая реформа”, 2000. – с.с.40-71.

²⁴ Х.Зер. Восстановительное правосудие: Новый взгляд на преступление и наказание.// Пер. с англ./общ. ред. Л.Карнозовой. – М.: МОО Центр “Судебно-правовая реформа”, 2002. – 328 с.

* Население каждого муниципального района в г.Москве составляет примерно 80-100 тыс. жителей.

ющий отрезок времени заметного снижения уровня преступности, сравнительно с другими районами этого же округа²⁵. Грустным можно назвать то, что данный эффект даже после его демонстрации власти оказался недостаточно убедительным для полномасштабного внедрения ювенальных технологий не только в России, но и в самой Москве, где такой позитивный опыт появился. И такие социальные технологии с огромным трудом и в очень ограниченных масштабах, внедряются лишь в некоторых российских территориях.

Примеры, использованные мною для обоснования данной позиции, взяты из российской и зарубежной практики работы с несовершеннолетними правонарушителями. Однако это вовсе не значит, что такие же методы или их аналоги не могут использоваться и при работе со взрослыми. Просто данная группа населения (дети), как правило, в силу несформированности личности, заметно более подвержена реабилитирующему влиянию извне, прежде всего, со стороны ближайшего окружения. Таким образом, данная группа населения, взятая в качестве исходной для начала работы, представляется наиболее нуждающейся, а полученные результаты – более наглядными.

Применимость методов досудебного и внесудебного разрешения конфликтов и активная и конструктивная роль судов хорошо прослеживается на примере Японии. В этой, чрезвычайно развитой в промышленном отношении стране уровень преступности – один из самых низких в мире²⁶. Многие, конечно, коренятся в национальных традициях и определяется ими, однако такие традиции неплохо бы изучить детальнее и понять, насколько они могут быть использованы у нас.

В указанной книге Джона Брейтуэйта /26/ приводится интересное криминологическое объяснение, почему для преступающего закон перспектива наказания за совершаемое преступление оказывается более слабой, нежели потенциальные выгоды от преступных “приобретений”. Выгода оказывается по времени ближе “кары” и, следовательно, по логике временной развёртки вытесняет, заслоняет в сознании более удалённую опасность. Особенно неспособность мыслить перспективно характерна для несовершеннолетних, отсюда и очевидность особо осторожного подхода к воздействию на ребёнка мер ответственности, и потребность в жёсткой привязке этой ответственности к объекту (субъекту), подвергнувшемуся разрушению (насилию).

К чему бы этот пример, спросит читатель. А к тому, что наше общество, к сожалению, склонно поступать столь же эмоционально, и, значит,

²⁵ Приведённый опыт описан в статье: Н.Хананашвили, И.Баушева, О.Зыков. Лечение вместо наказания. План практических действий для создания территориальной модели. / В Альманахе “Вопросы ювенальной юстиции”. Вып. 2. – М.: Фонд “НАН”, 2001. – с.с.46-52. Данная статья опубликована также на сайте Фонда “НАН” по адресу: <http://www.nan.ru/uu.html>

²⁶ Дж.Брейтуэйт. Преступление, стыд и воссоединение. Пер. с англ. (J.Braithwaite. Crime, Shame and Reintegration. Cambridge University Press, 1989). – М.: МОО Центр “Судебно-правовая реформа”, 2002. – с.с.100-106.

опроектировано по отношению к преступности. Пытаясь отомстить преступившему закон суровым наказанием, общество, в лице соответствующих государственных структур, лишь закладывает в будущее обострение конфликта между наказанным, выбывшим из социума, и самим социумом. Разумеется, в этой борьбе государство “выигрывает” у отдельного гражданина, однако мы не замечаем, что в пылу этой эмоциональной борьбы со множеством индивидуумов общество оказывается бессильным, как бессилён Гулливер, привязанный к земле лилипутами множеством тоненьких нитей. И, главное, всё общество проигрывает в перспективе отдалённой, исторической...

Исходя из приведённых выше рассуждений, должны выстраиваться и законодательная и правоприменительная деятельность.

Следовательно, и предварительная экспертиза проектов нормативно-правовых актов в обязательном порядке должна содержать элемент публично осуществляемого анализа на повышение толерантности в обществе, а для корректного применения правовых норм необходима организация общественного контроля за теми институтами, которые, в соответствии с данными общественного мониторинга, являются наиболее закрытыми и репрессивно “проблемными”.

Б) Вторая область, которую можно назвать безусловно значимой, — информационное пространство.

Агрессивное информационное окружение неизбежно порождает соответствующую ответную реакцию общества. Не впадая в крайности, следует тем не менее отметить, что ничего, подобного нашему телевидению, нет в странах развитой демократии. И сами граждане, и, конечно, их объединения, апеллирующие при надобности к судебной системе, являются там лучшим цензором.

Есть определённая сложность, связанная с тем, что погоду в СМИ делают рекламодатели. Однако корректно выстроенная налоговая политика позволит создать и экономические рычаги, вынуждающие и побуждающие *media* к социально приемлемым формам информирования, и, одновременно, будет способствовать развитию, пусть и заметно более хлопотной и трудоёмкой, но и существенно более **креативной** и **позитивной** журналистики, построенной на содержательности, а не на оболванивающей пустоте, на побуждении к активной позиции и действию, а не на леденящих кровь “ужасниках” и страхе перед образом очередного, внешнего или внутреннего, “врага”.

И глубина необходимых преобразований здесь такова, что, пожалуй, должна дойти до уровня определённого отбора ведущих большинства программ на предмет репрессивности их сознания и способности к толерантному мышлению и поведению в эфире.

В) Третий пример относится уже непосредственно к сфере экономической.

Казалось бы, на первый взгляд, в этой сфере вряд ли можно что-то обнаружить для исправления. Но даже здесь мы обнаруживаем “родимые пятна” нашей, репрессивно отцентрированной истории.

В качестве фундаментальной идеи всегда остаётся тезис “отнять и поделить”, не важно, выражается он формулой: “делиться надо” или темой перераспределения так называемой “природной ренты”. И в том, и в другом случае налицо иждивенческая, пожалуй, даже жёстче, паразитическая идея. И логика, возбуждающая по крайней мере трёхстороннюю агрессию, такова:

- граждане поддерживают действия власти, удовлетворяясь “экспроприацией экспроприаторов” и (в общем-то, тщетно) надеясь, что им от этого “жить станет лучше” (что “веселее” – это точно);

- государство с радостью хватается за такую возможность, поскольку это позволяет изобразить решение насущных государственных проблем путём *простых решений* (опять же очень опасный признак – искушение принятия и реализации простых и репрессивных решений), административно перенаправляющих ресурсные потоки, а заодно и неформально сигнализировать другим “строптивым” о возможности повторения “показательной порки”;

- и, наконец, сами бизнес-структуры и их представители, считающие себя страдающими ни за что, сегодня уже начинающие понимать, что без соответствующей социальной ответственности говорить о перспективной устойчивости их бизнеса в стране не приходится, но уверенные также и в том, что заработанное ими на приватизации или сразу после неё – вполне законные средства, которые, хотя, наверное, и нельзя признать трудовыми, но приобретены по большей части в соответствии с действовавшей тогда, в условиях правовой аномии, пусть и криминальной и коррупционно ёмкой, но законной основой. Это и в самом деле так, и когда сегодня некоторые представители власти заявляют о том, что в тех условиях, при столь плохом законодательстве бизнесменам нужно было отказываться от ведения бизнеса, остаётся только поражаться такому бесстыдному лицемерию.

Но самое главное, совокупность из этих трёх составляющих создаёт в обществе атмосферу взаимной подозрительности и зависти. Куда уж тут говорить о национальном согласии и преодолении на этой основе бедности в масштабах огромной страны?!

Поэтому для экономической сферы необходимы в качестве основы векторы, способные снизить уровень агрессии в обществе. Наверное, их множество. Здесь я назову один: простраивание **партнёрских** межсекторных взаимоотношений. В данном случае под секторами имеется в виду типология публичной активности, образующая: сектор государственный (I сектор), бизнес-сообщество (II сектор) и негосударственные некоммерческие структуры (III сектор). III сектор пока ещё не стал достаточно консолидированным сообществом, однако представляет собой, безусловно, общественно активную часть общества, поддержка позитивно направленной деятельности которой представляется задачей более чем достойной*.

---

* Данной теме по сути полностью посвящён ранее упомянутый учебник “Социальные технологии межсекторного взаимодействия в современной России”, выпущенный в 2003 году Фондом “НАН” /22, 420 с./.

Хорошо известно, что какое-либо агрессивное отношение одной группы общества к другой возникает, прежде всего, вследствие дефицита общения. Поэтому выход нужно искать именно в простраивании возможно более плотных межсекторальных позитивно деятельностных взаимосвязей. В данном случае межсекторное взаимодействие столь же важно для взаимопонимания, как и межличностное. Причём усилия по выстраиванию таких отношений должны быть системными, основанными как на комплексе правовых норм, так и на разработанных и внедрённых учебных материалах, по которым будущие партнёры будут учиться сотрудничать.

Автор не случайно столь подробно остановился на теме толерантности – теме, внешне слабо связанной с задачей преодоления бедности. Как читатель может убедиться из всего вышесказанного, эти темы не просто заметно соотносятся друг с другом, но и теснейшим образом взаимосвязаны. Поэтому и со всеми остальными позициями ранее выстроенного перечня бедность имеет высокий уровень корреляции, т.е. в значительной мере зависит. Этот факт уже наглядно продемонстрирован ранее и последующие примеры выстраивания многовекторного пространства желательного движения будут представлять не все предлагаемые решения (и даже не их большинство), но лишь отдельные, знаковые (или ключевые) методологические подходы. Пользуясь таким инструментарием, при более детальном и скрупулёзном подходе можно в каждом из ниже представленных направлений найти суммирующую составляющую, построенную на основе органично сочетающейся совокупности векторов. Поэтому последующие пункты перечисления будут несколько короче.

2) Слабая рефлексивность – высокая чувствительность.

В основе требуемых изменений, характеризующих переход от первого качества ко второму, лежит **принцип интерактивности**.

Создавая и насыщая пространство толерантности, общение содействует и повышению социальной чувствительности системы.

В направлении повышения чувствительности можно предложить два вектора:

А) Поскольку наиболее высокочувствительными системами являются, как известно, **сетевые сообщества**, формирующие внутри себя определённый вид общественной устойчивости, именуемый **социальным капиталом**, следовательно, именно этому направлению желательно уделить особое внимание. Вместе с тем, осознавая, что одним из ключевых позитивных свойств **социального капитала** является его **синергетичность**, возникающая именно на основе разветвлённости сетевых взаимосвязей, зачастую, вне зависимости от их прочности²⁷, необходимо всемерно развивать культуру взаимного информационного обмена и социального взаимодействия, будь то межличностные контакты и непосредственные встречи или же переписка

²⁷ Впервые о значимости слабых взаимосвязей см.: Granovetter M.S. The Strength of Weak Ties// American Journal of Sociology, 78 (1973), pp.1360-1380.

и различные иные формы виртуального общения посредством сети Интернет.

Преодолевая непроницаемость стен между различными общественными группами, мы, точнее, те, кто пытается развивающе воздействовать на сообщество, собственно, и способствуем его укреплению. В таком случае особую значимость приобретает и всемерное развитие сетевых сообществ, как способ **расширения границ социального капитала** – желательного *социального инвестирования*²⁸. Хорошо известно, что в целом ряде случаев социальный капитал, имея очень узкие границы своего применения (ярким примером является ситуация в Южной Италии и на Сицилии, где сильны узы мафии), скорее, тормозит процесс экономического и социального развития, порождая власть коррупции, нежели способствует развитию сообщества²⁹.

Предельный размер границ применимости того или иного элемента социального капитала выступает, таким образом, в качестве ещё одного индикатора качества различных способов социального инвестирования. Чем шире применимость конкретного элемента социального капитала и шире пространства его распространения, тем меньше места для присутствия противопоставления “мы – они”. Здесь автор вовсе не оригинален и также склонен рассматривать **движение к глобальному партнёрству** как императивную необходимость для мирового сообщества.

Следует назвать ещё один полезный вектор социального капитала. Однако прежде предложим вниманию читателя одну цитату из статьи Френсиса Фукуямы “*Социальный Капитал*” в ранее уже называвшемся сборнике /6/:

“Как указывал Вебер, пуританство настаивало на честности не только по отношению к товарищам по религиозной общине, но и ко всем людям. С другой стороны, бывают и такие группы, где нормы взаимности практикуются лишь среди узкого меньшинства членов. Едва ли есть основания полагать, что в таких, скажем, организациях, как Американская ассоциация пенсионеров, которая насчитывает около 30 миллионов членов, кто-то доверяет своему соседу или действует с ним сообща только потому, что оба платят ежегодные взносы в одну и ту же кассу.

Последняя проблема касается “негативных издержек” групповой жизни. Целый ряд групп проповедует нетерпимость, ненависть и даже насилие по отношению к аутсайдерам. И хотя ку-клукс-клан, “Нация ислама” или “Мичиганская милиция” бесспорно, обладают социальным капиталом, общество, которое сплошь состоит из таких групп, едва ли будет демократическим. Даже друг с другом подобные объединения

²⁸ С другими формами и методами *социального инвестирования* можно познакомиться: Н.Л.Хананашвили. “Камо грядеши?” или некоторые размышления о теории социального инвестирования”./ В Альманахе: Межсекторные взаимодействия. Настольная Книга – 2000. – М.: Фонд “НАН”, 2001. – с.с.52-102, а также на сайте Фонда “НАН” по адресу: <http://www.nan.ru/soc8.html>.

²⁹ См., например: E. Banfield. “*The Moral Basis of a Backward Society*”. (Chicago: Free Press, 1958.)

*взаимодействуют с трудом, а скрепляющие их внутренние связи скорее отгораживают их от внешнего мира*³⁰.

Таким образом, вектором, определяющим позитивность социального капитала, имеющего у той или иной конкретной группы или сети, является **вектор толерантной вовлечённости самой сети и вовлечения собственных элементов во внешний (по отношению к группе) мир.**

Вторым, столь же важным элементом, положительно влияющим на развитие “чувствительности” общества, можно назвать

Б) социальные технологии. Под социальными технологиями мы понимаем *стандартный комплекс методически описанных и практически внедренных действий и/или процедур, объединённых в определенной последовательности или сочетании, и приносящий измеряемый или иной осязаемый результат в сфере социальной политики (в социальной сфере) /22, с.31/.*

При этом социальные технологии, о которых идёт речь, должны обладать по крайней мере тремя основными качествами, определяющими их эффективность и, в том числе, вследствие этого – привлекательность для внедрения и применения:

помимо уже названной **интерактивности**, т.е. основанности на возможно более широком межличностном и межорганизационном информационном обмене, следует также назвать

нацеленность на выработку целевыми группами, которым такая технология адресована, способности к дальнейшему самообеспечению

и

гуманитарную позитивную инновационность.

Если способность к самообеспечению – свойство, очевидно необходимое для снижения нуждаемости и, следовательно, для преодоления бедности, то значение гуманитарной инновационности, пусть на первый взгляд и не столь простое и ясное, трудно переоценить. Технократическая цивилизация, построенная современным человечеством, сильнее всего страдает именно от “*гуманитарной атрофии*”. Нам (и России в том числе) жизненно необходимы такие гуманитарные инновации, которые позволили бы постепенно выйти из технократического тупика, в котором мы не просто оказались, но и рискуем погибнуть как цивилизация от какого-нибудь по случайности вовремя не урегулированного конфликта...

3) Закрытость – прозрачность и открытость.

Одна из самых болезненных тем. Её сложность обуславливается в основном двумя обстоятельствами:

- восприятием властью политики как своей вотчины. Если в странах “развитой демократии” никто и не посмел бы сегодня открыто распоря-

³⁰ Ф.Фукуяма. Социальный Капитал.// В книге: Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. Под ред. Л.Харрисона и С.Хантингтона. – М.: Московская школа политических исследований, 2002. – с.с.129-148.

жаться средствами налогоплательщиков, то у нас до сих пор депутаты позволяют себе увеселительные прогулки за государственный счёт. При этом бюджет России представляет собой чрезвычайно закрытый документ, к детальному знакомству с которым (а не то, чтобы к обсуждению его проекта) негосударственные структуры, как правило, просто не допускаются.

И до тех пор, пока такая ситуация будет сохраняться, представить себе серьёзного продвижения в направлении преодоления бедности (опять же, оговоримся, в условиях становления и развития демократии, как политического выбора) невозможно.

- рефлекторной реакцией защиты от каких-либо нападков. И это свойство – также понятно, происходит оно от общего страха перед наказанием (репрессивный стандарт мышления и действия естественно порождает и страх). Прозрачность и открытость системы способны сделать воровство (или, назовём мягче, нецелевое и нерациональное расходование бюджетных средств) значительно более затруднительным; вместе с тем, вскрытие каких-то недостатков не должно восприниматься системой (и субъектом, оказавшимся в таком случае или каком-либо вопросе несостоятельным) как повод для наказания.

Все остальные аргументы, и в том числе излюбленная ссылка на вопросы государственной безопасности – как правило, лишь ширма, за которой происходит обычное воровство.

И здесь, для отграничения случаев, когда некое событие происходит без злого умысла, от преднамеренных действий, приносящих ущерб, мы можем обратиться к одной из использованных ранее пар понятий, а именно – **“дураки и воры”**. Эта пара, правда, несколько грубовато, но достаточно точно определяет разницу между проблемой, связанной с неосведомлённостью, и злым умыслом. Тогда незнание должно влечь за собой не наказание, а исправление ситуации, и только осмысленно вредоносные поступки, должны получать соответствующую общественную и уголовно-правовую оценку.

Для того, чтобы по возможности избежать и того и другого, следует построить систему управления так, чтобы она была:

- нацелена на непрерывное самосовершенствование – некое “информальное образование для системы”, неотъемлемая часть непрерывного образования (*lifelong learning* – образование длиною в жизнь), подобно тому, как это реализуется в Европейском Союзе, где, непрерывное образование рассматривается в качестве одного из главных элементов общеевропейской социальной модели³¹.

- максимально прозрачной и содержала правовым образом регламентированную процедурную открытость.

В качестве примера подобной технологии могу привести технологию “прозрачный бюджет”, реализуемую в настоящее время рядом НКО, прежде

---

³¹ Communication from Commission. Making a European Area of Lifelong Learning a Reality. Commission of the European Communities. Brussels, 21.11.2001.

всего, Санкт-Петербургским гуманитарно-политологическим центром “Стратегия”³².

Сочетание этих двух элементов позволит, во-первых, добиться существенного повышения доверия граждан к системе, а во-вторых, сформировать комплекс действий, способствующих улучшению целого ряда свойств нашего списка:

- повышения рефлексивности;
- возможности формулирования проактивной позиции и, следовательно, проведения соответствующей политики;
- своевременного выявления причин той или иной социальной проблемы или настораживающей тенденции;
- снижения затратности.

4) Реактивность – проактивность.

В государстве должны меняться основные принципы политики и одним из основных – должен возникнуть и занять должное место **принцип стратегического планирования и технологической реализации стратегий**. Только в этом случае мы сможем не плестись в хвосте событий, только и делая, что отвечая на всё новые и новые вызовы в ускоряющемся темпе событий.

Стране в целом (а не только государству) необходимо умело, корректно и эффективно прогнозировать ближайшие и отдалённые сценарии, планировать свою активную роль в их формировании и реализации, технологично осуществлять намеченное, иницируя и допуская возможно более широкий общественно-экспертный мониторинг и оценку своим действиям.

И только в этом случае такая политика может называться современной, демократической и ответственной, за которую, в отличие от наших предков, с огромным количеством тёмных и откровенно грязных страниц нашей истории, нам, может быть, будет не стыдно перед потомками...

Можно назвать ещё один, более частный вектор – для сферы бюджетной политики.

Должны произойти сначала дополнение, а потом – постепенное вытеснение, замена сметно-ведомственного финансирования (институциональный подход) программно-целевым (функциональным) подходом.

Последние усилия органов власти по административному реформированию, в качестве одного из ключевых действий предусматривают именно усилия в данном направлении. Следовательно, программно-целевой подход или, как сейчас стало модно и принято говорить, **бюджетирование, ориен-**

³² Из большого количества публикаций в качестве одной из обобщающих можно привести: В.А.Бескровная, Т.И.Виноградова, М.Ф.Замятина, А.Т.Ошурков, А.М.Сергиенко. Методические рекомендации по освоению и продвижению социальной технологии “Прозрачный бюджет”. – СПб: “ИК “Синтез””, 2003. – 108 с.

тированное на результат – жизненно важный вопрос и, хотелось бы надеяться, перспектива ближайшего будущего. Впрочем, надежда на такое благоприятное развитие в России событий пока что достаточно слаба³³.

В данной ситуации есть ещё одна очень серьёзная опасность – катастрофическая нехватка специалистов. Целой стране в одночасье переквалифицироваться “*в управдомы*” невозможно, а проектное мышление из ниоткуда не возьмётся... Поэтому любое движение в данном направлении только тогда и может быть сочтено разумным и обладающим прочными перспективами, если сопровождается масштабными образовательными и просветительскими процессами. Впрочем, не только ими. **О технологии продвижения технологий**, не просто применимой в данном случае, но и крайне необходимой, автор уже писал неоднократно³⁴.

5) Паллиативность – поиск причин проблемы и воздействие на них.

Как было показано ранее, упрощение любой проблемы неизбежно сводит постановку задач её решения к выбору простого и, как правило, репрессивного решения, способного воздействовать не столько на саму проблему, сколько на её внешние проявления.

Поэтому в качестве ключевого вектора в данном направлении должны рассматриваться форсированные действия по формированию и развитию в России экспертного поля, прежде всего, **поля гражданской экспертизы**. Только тогда станет возможным всесторонний анализ положения и получение очевидных выводов о причинах современной бедности в России и вариантах путей её преодоления. При этом и сейчас уже очевидно, что это никак не путь перераспределения ресурсов и средств между богатыми и бедными гражданами (хотя, возможно, какие-то ограниченные действия в этом направлении и возможны), а формирование и развитие у наиболее бедной части населения (повторю, при наличии у самого гражданина соответствующего желания) способности к развитию и повышению, таким образом, своего благосостояния и содействие гражданам в реализации их инициатив.

В поле публичной политики экспертизе должно подлежать **всё** и, по возможности, на ранних этапах возникновения проблем. При этом анализ желательно строить на основе возможно более широкого круга разработок.

³³ С последними примерами того, как “по-советски” планово продолжают реализовываться целевые программы и в 2004-м году, можно познакомиться: *Постановление Правительства Российской Федерации от 26 апреля 2004 года №222 “О финансировании в 2004 году расходов на социальные программы и на проведение мероприятий по ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций и стихийных бедствий за счёт средств Пенсионного фонда Российской Федерации”* (Российская газета от 30.04.2004г.).

³⁴ Первая публикация данной социальной технологии см.: Н.Л.Хананашвили. Концепция системы взаимодействия органов власти с негосударственными некоммерческими организациями. / В Альманахе. Межсекторные взаимодействия. Настольная Книга – 2002. – М.: Фонд “НАН”, 2002. – с.с.6-44.

В данной области безусловно заслуживающей внимание, в части осуществления эффективной практической аналитической работы, позволяющей принимать взвешенные и осмотрительные решения, можно назвать ту же книгу Р.Нойштадта и Э.Мэя /13/.

б) Затратность – экономичность и эффективность.

Для достижения предполагаемых изменений необходимо сформулировать ожидаемое состояние не только в статических терминах (и экономичность, и эффективность – есть показатели, свидетельствующие о некоем состоянии, пусть даже и динамически меняющемся). Другими словами, необходимо сформулировать вектор требуемого движения. Таким вектором можно назвать понятия:

- **социальное инвестирование;**
- **развитие человеческого и социального капитала.**

Социальное инвестирование, как понятие, на наш взгляд, следует раскрыть несколько подробнее.

Социальное инвестирование отличается от обычного (экономического) только многообразием единиц измерения эффекта и возможно более долгим сроком окупаемости /28/.

В отличие от экономики, где прибыль измеряется достаточно просто и одномерно, в условных или безусловных экономических единицах, социэкономика предлагает нашему вниманию необозримые поля измерений социальных эффектов. Однако для этого требуются и заметно большее количество **целенаправленно** работающих специалистов, и существенно более эффективные их усилия. Именно поэтому в данной статье столько внимания уделено вопросам формирования насыщенного научно-исследовательского и экспертного пространства. Не стоит сомневаться в том, что данные инвестиции окупятся. Впрочем, и это также может быть предметом экспертного изучения...

Что касается объединения человеческого и социального капитала, то это здесь сделано тоже не случайно, поскольку имеющиеся показатели человеческого капитала, имеющиеся и используемые сегодня мировым сообществом, такой, например, как Индекс Развития Человеческого Потенциала (ИРЧП), могут лечь в основу новых показателей, характеризующих не только уровень развития, но и величину вектора, включать не только человеческий, но и социальный (т.е. по сути, объединяющий в совокупность структурно сетевых сообществ) капитал. Согласитесь, что определение величины темпа развития сообщества и его согласованно взаимодействующих элементов, установленного, например, **Совокупным Индексом Роста Социального Капитала**, представляется задачей интересной и высоко значимой.

При этом мы вновь обращаемся к социальным технологиям, как способу решения той или иной социальной проблемы. Делаем мы это повторно

отнодью не случайно, поскольку неотъемлемым изначальным свойством самой социальной технологии являются:

- **получение позитивного, измеряемого или осязаемого социального эффекта**

и

- **тиражируемость**, т.е. возможность распространения данного способа решения социальной проблемы в других территориях и при других условиях. Данное свойство возникнет при выполнении целого ряда условий. Одним из ключевых в этом ряду является свойство **адаптивности**, т.е. приспособляемости способа к отличным от первоначальных условиям, **возможности переноса технологии в другое место и её отчуждения от автора**.

Для создания эффективной системы необходима как **диверсификация доходов**, так и **способов расходования** имеющихся ресурсов.

В случае *доходов* необходимо **переходить от ресурсных источников к наукоёмким технологиям** (и тогда приоритетом и вектором становится **наука и образование**, как их основная предпосылка).

Что касается *расходов*, то здесь **требуется разгосударствление и конкуренция в расходно-бюджетной сфере**, идущая от выработки по возможности консенсусного решения, реализующаяся через систему **максимально прозрачных и открытых для общественного участия публично-конкурентных процедур**, допускающих **общественный мониторинг, контроль и оценку**.

И, наконец, повторим, что акцентированное развитие социологии, социэкономии и социальной статистики – это именно тот инструментарий, с помощью которого можно измерить или определить осязаемость соответствующего положительного социального эффекта и, следовательно, держать, что называется, “руку на пульсе” общества. Естественно, в том случае, если присутствует и позитивно развивается следующее направление, необходимое для преодоления бедности –

7) Манипулятивность – равноправное партнёрство.

Отказаться от манипулирования манипулятору чрезвычайно трудно. Для изменения своего поведения этот “субъект” должен осознать, что результат такого отказа будет безусловно на пользу всей системе. Я не случайно заключил слово “субъект” в кавычки. Дело в том, что речь в данном случае идёт о постепенной трансформации принципов государственной политики. При очевидной возможности запуска процесса “сверху” сначала изменения, видимо всё же должны (и скорее всего будут) происходить на уровне, максимально приближённом к гражданам. Однако, по мере освоения гражданами и их объединениями технологий эффективного и продуктивного взаимодействия с государственными структурами, начнёт неизбежно повышаться и степень прозрачности системы.

Доступной для публичного обсуждения обязана постепенно становиться вся государственная политика.

Читатель, хорошо знакомый с реалиями российской политики и её нынешней исключительной манипулятивностью, вправе воспринять текст данного пункта как некий сказочный сюжет. Однако для того, чтобы показать, что есть ещё более “фантастические” направления для осознания и перспективно позитивного движения, приведу ещё одну короткую цитату из статьи Фрэнсиса Фукуямы “*Социальный Капитал*”, опубликованной несколько лет назад в качестве одного из материалов проекта, инициированного и реализованного Гарвардской академией международных и региональных исследований:

“Во многих ситуациях... мы способны более эффективно удовлетворять собственные потребности, сотрудничая с другими людьми и попутно устанавливая кооперативные нормы, которые регулируют социальные отношения. Следуя данной логике, люди могут действовать альтруистично, но только потому, что рано или поздно догадываются о выгоде альтруизма – ведь другие тоже будут вести себя подобным образом” (выделено мной – Н.Х.) /30/.

Данные рассуждения Ф.Фукуямы о “теории игр”, которая пытается проникнуть в суть соответствующих стратегий, ведущих человека от эгоизма к кооперации, как нельзя лучше подходит и для нашего случая, учитывая правоту афоризма, что вся наша жизнь – игра.

8) Монополизм – демонополизация.

Данный, последний пункт, наверное, самый короткий, поскольку на эту тему многое сказано в настоящей статье ранее.

Возвращаясь к теме выработки механизмов выживания системы, можно отметить, что вторым уровнем осознания необходимости выживания должно становиться действие, направленное на формирование инструментов и процедур мониторинга, контроля и регулирования конкурентной среды с целью недопущения её монополизации каким-либо одним из её элементов. И иначе, кроме как через формирование конкурентных процедур (неважно, будут это конкурсы или просто обязательные тематические или более широкие общественные дискуссии), через конкуренцию взглядов и предложений, эффективного решения быть не может. **Труднее всего это осознание приходит к монополии, однако, если не приходит вовсе, то монополия обречена на гибель.**

Однако самое главное в подходах к демонополизации – понимание, что вершина пирамиды, формально отвечая за всё, мало на что реальное способна без активной самостоятельности всех элементов (что и означает “бессилие всевластия”).

И тогда пирамидальная конструкция, вместо *принципа субординации* (на основе которого существует и действует административно-командная вертикаль), будет в качестве основополагающего использовать *принцип субсидиарности*.

Что же касается векторного направления требуемых изменений, то Президенту РФ в предстоящий четырёхлетний отрезок времени придётся сделать выбор и реализация одного из трёх вариантов:

или готовится самому стать монархом,

или по-монаршески готовить себе “династического” преемника, или растить и форсированно и полномасштабно развивать институты современной реальной демократии, демократии участия и консенсуса, не предусматривающие сохранения монархии или возвращения к ней или иным недемократическим формам устройства общества...

VII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*Мне нечего добавить,
но есть, что сказать.*

Девиз для креативного сознания.

И, наконец, несколько слов в завершение.

Объём обзора тем последнего раздела представляется самому автору конечно же неудовлетворительно коротким. Каждая из затронутых тем достойна если не отдельной библиотеки, то уж книги – точно. Поэтому и к раскрытию всей темы в целом, и к детализации отдельных её элементов мы обязательно будем возвращаться в дальнейшем.

В то же время, поскольку автор занимается данной темой уже более 10 лет, интересующиеся могут ознакомиться с достаточно большим объёмом ранее подготовленных материалов на сайте Фонда “НАН” по адресам: <http://www.nan.ru/soc8.html> и <http://www.nan.ru/izdanie.html>.

Состоявшееся краткое размышление, отражённое на терпеливой виртуальной бумаге, оставляет и у самого автора множество вопросов. Одним из центральных является вопрос:

Имеются ли у современного российского общества хоть какие-то ресурсы и рычаги для реализации того комплекса коренных изменений, которые необходимо внести в нашу суетливую и, по большей части, недальновидную повседневность?

При этом, как уже было сказано ранее, выбор стоит между образно сформулированным А.Пушкиным в “Медном всаднике”:

*“...На высоте уздой железной,
Россию поднял на дыбы...”*,

и решительными и комплексными, но достаточно аккуратными реформами, осуществлёнными профессионалами эпохи Александра II – т.е. между ***силой и разумом***.

Делая этот выбор, сегодняшняя власть должна сознавать, что первый путь более прост, прямолинеен и привычен. Однако, поддаваясь *соблазну простого решения*, мы лишь переложим наши проблемы на плечи следующих поколений россиян, которые, как это было всегда в нашей истории, снисходительно пожурят нас за близорукость и убогую узость исторического взгляда.

Второй путь – сложнее и требует одновременно большей ***взвешенности, открытости и осмотрительности***. Но именно такой путь позволит

нам не допустить того, чтобы наши предки “*переворачивались в гробах*”, а потомки – краснели перед своими современниками за наши поступки. Желательно при этом, чтобы не краснели они не потому, что не осталось у них совести, а поскольку

действия наши основывались на едином стандарте общечеловеческих ценностей и нашей общей ответственности и перед предками и перед потомками...